

Алеся Троицкая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВОЗРОЖДЕННАЯ

Хроники Трезура

Алеся Троицкая

Возрожденная

«Автор»

2017

Троицкая А.

Возрожденная / А. Троицкая — «Автор», 2017 — (Хроники Трезура)

Третий и заключительный роман о приключениях девушки, владеющей удивительным даром. Потеряв своего возлюбленного, Мирослава замыкает временное кольцо и перемещается в иную реальность — в будущее Трезура, где нет жестокого тирана, где живы ее мать и брат. Но так ли все благополучно и правильно в этом новом, незнакомом ей мире? Сумеет ли Мирослава принять шокирующую правду о себе и своих близких? И самое главное — сможет ли она все изменить, чтобы спасти две планеты, своих друзей и человека, которого любит больше жизни? Содержит нецензурную брань.

© Троицкая А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алеся Троицкая Возрожденная

*Вселенная может удивлять бесчисленное количество раз:
привыкнуть к этому невозможно, и устать... не получается.*

Глава 1

Вечность или бессмертие.

Кто я?

Где я?

Почему я все еще существую?!

Я ощущаю, что нахожусь вне времени, вне пространства, и это состояние не имеет ни начала, ни конца, как образ неостановимого времени. Материальный мир за гранью, в недосыгаемости, я хочу уловить его, дотянуться, но сил нет. Нет желания бороться, вырвать свое существование из холодных лап безысходности и вернуться к свету и теплу. Теперь я могу себя определить как нескончаемую неизменность, возникающую за пределами смерти. Хотя, если подумать, я не умерла, как умирают обычные люди. Я просто перестала существовать, затерявшись в мгновении вечности. Я, наверное, должна была угаснуть полностью, но что-то, что не дает мне покоя, не отпускает меня. Не дает мне сгинуть полностью. Незримый, практически неуловимый образ человека, а может быть, просто видения, мешает моему существу разрушиться и исчезнуть...

Мой висок подвергается сладостной пытке. Теплые губы касаются его легко, практически неощутимо. Хорошо читая пробуждающуюся реакцию моего сонного тела, опускаются ниже, рисуя мокрую дорожку прямо до моих губ. Непринуждённо обводят их, отчего тело получает легкий электрический импульс, заставляя хотеть чего-то большего. Из моей груди вырывается протяжный выдох.

А тем временем поцелуи спускаются ниже по подбородку, уходя в область моей, по ощущениям, обнаженной груди. Пытаясь не выскользнуть из оков сна, я, не размыкая век, подаюсь навстречу умелому языку, который уже облюбовал мой левый сосок.

Я запускаю руки в густую шевелюру и неосознанно заставляю нарушителя моего спокойствия теснее прижаться ко мне. Остро ощущаю его наготу и силу его желания, вдавливающуюся в мое бедро. На выдохе из меня вырывается целая череда поощрительных и сладостных стонов.

– Велиар... Если бы я только знала, что умру и попаду в рай, я бы давно себя прикончила...

В ответ я слышу гортанный смешок, а после получаю укус, который заставляет меня прогнуться в пояснице. Все мое тело охватывает дрожь. Реакция организма резкая и неумолимая: грудь наливается и тяжелеет, а жидкая лава, которая в данную секунду заменяет кровь в моем организме, от сладостной пульсации заставляет либо сильнее сжать ноги и спрятать чувствительное место, к которому уже тянется жадная мужская рука, либо полностью отдаться на милость победителя и позволить без остатка снести мне крышу.

Под небольшим давлением я всё-таки позволяю руке проскользнуть ниже и проникнуть в меня пальцами. От головокружительных ощущений я издаю звук, похожий на рычание, высказывая в нем экстаз и мольбу ни в коем случае не прекращать ласки. И получаю в ответ поощрительный поцелуй, заглушающий мои стоны.

– Велиар, пожалуйста...

Терпеть сладостную пытку больше нет сил. Умелые пальцы так хорошо знают мое тело и реакцию на определенные движения, что пик наслаждения уже рядом. Я, как утопающий, хватающийся за соломинку, вцепляюсь в плечи парня, вонзив в него свои ногти. Я думаю, что вот-вот умру снова, если сию же минуту не получу желаемого, поэтому начинаю помогать своими бедрами, чтобы поскорее избавиться от быстро растущего напряжения.

Я так поглощена мужчиной, творящим с моим телом что-то невообразимое, что не сразу соображаю, что к нам присоединилась еще одна рука. Третья, которой теоретически быть не должно. Рука не менее голодная, чем две предыдущие. Она по-свойски движется от моего бедра к округлостям груди, на секунду, как бы невзначай, задевает сосок, а после огромной пятерней хватает меня за подбородок и притягивает к не менее голодным и горячим губам. Я тону в жадном неистовом поцелуе, более грубом и требовательном, едва не подавившись умелым языком. И в этот момент, получив первый в своей жизни оргазм, распадаюсь на атомы, на тысячу частиц, и на пике наслаждения широко раскрываю глаза...

– Госпожа, послушайте...

Шок и неверие скрутили мои внутренности в тугой узел, и я со всей силы запустила хрустальным светильником в кареглазого адониса.

– Госпожа, вам плохо? Я сделал что-то не так?

Явное недоумение в голосе и во взгляде парня заставили меня покраснеть еще больше. Я ухватила за непонятную металлическую штуку и с яростью запустила в него, не забывая при этом придерживать простыню, прикрывавшую мое тело. А самое главное, стараясь сильно не пялиться на обнаженные достоинства мужчин, которые упорно маячили перед глазами, не умаляя красоты и совершенства хорошо сложенных тел. Да что греха таить – не просто тел, а рельефных тел отборных самцов, машин для женских утех, от которых за версту несет тестостероном, вожделием и сексом.

Но мне это все уже безразлично, картинка перед глазами плывет. Без предупреждения, словно огромный камнепад, на меня обрушились воспоминания... и не какое-то одно, а все сразу. Весь тот ужас, что я пережила. Опыты... боль... страдания... и смерть Велиара!

– Убирайтесь прочь!!!

– Госпожа...

– Велиар... что ты натворил?!

– Она бредит.

– Убирайтесь... убирайтесь вон, в ад... хоть к самому дьяволу! Оставьте меня!

Воспоминания мучительно терзали душу, разрывая ее на мелкие кусочки. Я стала задыхаться. Хватала ртом воздух, но он как будто исчез...

– Госпожа, скажите, где болит? – Второй мужчина, сероглазый, приблизился ко мне, пытаясь предложить помощь. Я кинула на него яростный, полный боли и гнева взгляд, от которого сама бы отшатнулась. «В сердце... внутри... в душе! Болит везде!»

– Если вы сейчас же не уберётесь к черту, я вас убью!

В моем голосе было столько холодной ненависти и стали, что они оба съёжились и виновато опустили головы. Мне тут же захотелось сказать, что мне жаль, но слова не обрели форму: из горла вырвались только всхлипы и дикие, пока еще сдерживаемые рыдания. Фантомная боль огромными когтями разрывала мою плоть, и я издала протяжный крик, сгорая в пламени ужасных воспоминаний.

– Прочь! – словно раненный зверь взревела я, чувствуя, что мой мир пошатнулся и начинает превращаться в руины. – Ненавижу!!!

Не говоря больше не слова, меня как пушинку подхватили чьи-то руки и снова уложили на кровать. Даже мои яростные попытки не допустить этого ни к чему хорошему не привели. Я металась в агонии души и тела, пытаясь избавиться от боли и уйти в забвение. Не помнить... не ощущать... не испытывать... умереть! Забыть кровоточащую рану размером с Вселенную!

– Что ты уставился? Немедленно приведи Славдия! – крикнул мужчина кареглазому парню, который от страха потерял не только дар речи, но и желание двигаться.

– Да... конечно, – заикаясь, произнес тот.

– Нет! Не надо, стой! – Я со всей силы вцепилась в его руку и, заглянув прямо в глаза незнакомца, еле слышно произнесла: – Пожалуйста, никого не зовите. Умоляю!

Моя хватка ослабела, и меня начал затягивать черный водоворот...

Второе пробуждение в новой реальности кардинально отличалось от первого. Нет, не тем, что вместо двух парней сейчас со мной рядом находился один, тот, который меня укладывал на кровать и пытался успокоить, а тем, что я чувствовала себя вселенским мусором, который по ошибке забросили не в то ведро.

Хуже и быть не могло. Я лежала и смотрела в потолок невидящими взглядом, так как, куда ни посмотри, я везде видела картинки из воспоминаний... как в немом кино... ужасные черно-белые воспоминания. Я не хотела их видеть, но они были навязчивыми и повторялись снова и снова, как будто зацикленные.

Наверное, прошла вечность, прежде чем я почувствовала нежное прикосновение к своей руке. Но не отреагировала.

– Госпожа, как вы себя чувствуете?

Я молчала.

Мужчина придвинулся ближе, пытаясь заглянуть мне в глаза, которые я тут же закрыла.

– Госпожа, поговорите со мной. Так нельзя, вы уже вторые сутки без чувств, я не могу больше врать вашему брату и говорить, что все в порядке. Я должен знать, что происходит.

«Надо же, всего два дня прошло. Жаль, что не тысяча лет и мне не пора умирать»

Я вновь закрыла глаза и больше не реагировала на попытки привести меня в чувство.

Через некоторое время мужчина сдался и, прижав меня к своей груди, начал шептать мне на ухо что-то успокаивающее. Не знаю, почему, но меня не корбило от его прикосновений, мне не было жутко от чужого голоса. Мне было безразлично. Прекрасное состояние безразличия. Это лучшее, что могло сейчас со мной произойти. Я позволила себя убаюкать, но ровно настолько, чтобы не уснуть, а проанализировать ситуацию, в которой я оказалась. Неуверенная в себе... в своем теле... и в своем новом мире.

Каким-то способом я смогла выбраться из небытия, о котором практически ничего не помнила, смогла подавить волю нынешней Миры и благополучно занять ее место. Как иронично! Надеюсь, из-за этого у меня не будет раздвоения личности и голос внутри не начнет вести со мной душевные беседы, а в худшем случае – подавлять мою личность!

Я горько усмехнулась. Мирослава из нынешнего мира, ты здесь? Я зажмурила глаза сильнее и стала прислушиваться к внутренним ощущениям, уходя глубже в себя. Но, на мою радость или беду, внутренний голос молчал. Никакой другой сущности, кроме меня, здесь и сейчас не существовало.

Хотя... на секунду мне показалось, что что-то странное и темное шевельнулось во мне, типа сгустка энергии, который мне не принадлежал. Может, всё-таки что-то осталось от прежней хозяйки? Более тщательно проанализировать свои ощущения я не смогла, так как энергетический поток исчез так же быстро, как и появился.

Я тяжело выдохнула. Видимо, сбой в истощенном организме.

Интересно, обрадует ли факт подмены мою новую семью?

Почему-то однозначного ответа на этот вопрос я дать не смогла. Если представить, что Айвена примерно триста лет знала одну сущность по имени Мирослава, любила ее, холила и лелеяла, то как она отнесётся к тому, что вроде бы такая же, но совершенно другая душа заняла ее место? Можно ли меня в полном смысле слова назвать ее дочерью? А может, я ничем не буду отличаться от прежней Мирославы. Может, я и есть она, только с прибавившимся багажом знаний. Перебирая и исследуя свои ощущения, я поняла, что памяти об этом мире и о том, чем жила и какой была Мирослава до момента моего вселения, нет и в помине. Вернее, кое-какие аспекты ее жизни я уже успела узнать...

Я с укором и неприязнью покосилась на мужскую руку.

Я понимаю, что за триста лет та Мирослава уже давно перестала быть девочкой, но чтобы спать сразу с двумя мужиками, это надо быть конкретной шлюхой! Хотя не мне ее судить. Во-первых, я сама чуть не стала жертвой безрассудной похоти, а во-вторых, может, триста лет – это не благо, а наказание, и каждый развлекается в меру своей фантазии.

А вообще мне наплевать! Я не собираюсь заставлять себя жить и заставлять кого-то принимать меня в семью. Я хочу лишь одного: покоя в душе и в чувствах. Главное – найти способ. Из моих глаз брызнули непрошенные слезы, и, сжавшись в комочек, я начала заливать подушку и руку мужчины своим горем.

Тут же мужчина за моей спиной напрягся, а после, тихо выругавшись, резко перевернул меня на спину. Теперь я не пыталась сопротивляться и лежала безвольной куклой. Безвольной ревущей, стенающей куклой.

Но долго это не продолжалось, так как резкая и довольно болезненная пощечина заставила меня задохнуться и прийти в себя.

– Сейчас же прекрати истерику! – велел мне мужчина.

Я тряхнула головой, не понимая, кто это и что ему от меня нужно, нахмурилась, но рыдать прекратила.

– Так-то лучше, – испытыв явное облегчение, произнес мужчина, выпуская меня из своих объятий.

Внимательный взгляд его серых глаз с серебряными искорками начал меня напрягать. И тут я осознала, что все еще абсолютно раздета, лишь тонкая простыня скрывает меня от его хмурых и задумчивых глаз. Поменяв испуганное выражение лица на бесстрастное, я, придерживая простыню, поднялась с кровати. От бессилия и полного истощения меня покачнуло, и мужчина поспешил меня поддержать, но я остановила его взглядом и, превозмогая боль в осипшем и пересохшем горле, произнесла:

– Прошу, оставь меня, мне нужно побыть одной.

Мужчина тоже поднялся и настороженно поинтересовался:

– Вы уверены, госпожа? – Он протянул мне руку, но я шарахнулась от него, как от огня.

– Да! Прошу, уйди.

– Но...

– Уйди!!! Что непонятного в моей просьбе? – Я непонимающе моргнула, удивляясь внезапному порыву агрессии, и потрясла головой.

Мужчина нахмурился и кинул на меня оскорбленный взгляд. Я лишь плотнее закуталась в простыню, которая уже стала мне родной.

– Как пожелаете, госпожа. Простите за пощечину.

Сероглазый мужчина покинул мою спальню. После его ухода я вновь забралась на кровать и стала выплакивать все, что еще осталось на душе.

Глава 2

Прошло три или четыре дня после того, как я добровольно заперлась в своих покоях, жалея себя и баюкая свое горе. Странно, но за эти дни ни Айве, ни Славдий не соизволили меня навестить. Хотя позже я узнала, что Айвена все это время отсутствовала и не была в курсе происходящего, а Славдий так был занят собой и своими, пока непонятными для меня делами, что не находил времени для дружеского визита.

Мое одиночество начало меня потихоньку съедать. Я осознала, что порой веду беседы с несуществующими людьми – в основном, с Велиаром. Я пыталась рассказать ему все, что не успела до его исчезновения, поведать ему то, что было для меня важным, и раскрывала ему свои самые потаенные желания. В этот момент мне было так комфортно и уютно в своем вымышленном мире, что я практически не замечала сероглазого мужчины, который был моим единственным слушателем, остающимся в тени и безучастным к моим причудам. Наверное, главная его задача сводилась к тому, чтобы не дать мне наложить на себя руки, но все равно его присутствие стало для меня маяком спокойствия.

Иногда я приходила в себя, в основном, когда сероглазый меня кормил, и тогда серьезно задумывалась о его участии в моей жизни. Однажды я даже нашла в себе силы полюбопытствовать, как его зовут.

– Асмодей, – коротко ответил он, и на этом наш диалог закончился.

Интересно, кем он был для той, другой Миры? Другом? Просто любовником? Может быть, мужем... хотя вряд ли. Могу поспорить, что такой мужчина, будучи ее мужем, не стал бы делить ее с другими. Но долго я об этом не размышляла: когда прием пищи закончился, я вновь закрылась, уйдя глубоко в себя, и уже не реагировала ни на какие раздражители извне.

Поднявшись на ноги, которые затекли настолько, что пришлось пару минут морщиться от неприятных ощущений, я подошла к длинному узкому окну, из которого меня поприветствовал своим великолепным видом Перлитовый город. Величественный, неизменный, превосходный и непревзойденный, во всем своем однообразии белого. Ирония судьбы заключалась в том, что мои покои занимали одно из тысяч помещений в самом сердце «Цитадели зла». А значит, то, что раньше было моей тюрьмой, теперь стало моим домом. Воспоминания о тех жутких вещах, которые вытворял с моим телом и разумом Астар, заставили мое сердце в сотый раз учащенно забиться. Но не более.

На пятые сутки мой разум стал более отчетливо воспринимать действительность, так как я первый раз за все время ощутила болезненный укол и поморщилась:

– Ай!

Я недоуменно взглянула на Асмодея, который держал в руках пустую ампулу, а потом перевела взгляд на свое предплечье, где в месте инъекции выступила капелька крови.

– Что ты мне вколол? – Я попыталась проморгаться, но картинка не исчезла и навязчивый мужчина тоже.

– Можете считать, что это витамины.

– Где-то я это уже слышала. Но зачем?

– Чтобы вам стало легче.

Я издала иронический смешок и попыталась оживить вялотекущие мысли.

– Госпожа, присядьте.

Я повиновалась и потрогала предплечье, где оказалось целое скопление проколов от иглы.

– Госпожа, вы понимаете, что я говорю?

Я кивнула, думая, что мужчина явно не в себе, раз задает мне такие вопросы.

– Конечно, ты похож на примата, но да, я понимаю, что ты говоришь, – с раздражением бросила я.

Но Асмодей не обиделся.

– Хорошо. А вы помните, что с вами было?

– Я не пойму: ты дежурный психолог, что ли? Конечно, я все помню. – Я на секунду замерла. – Ну... практически все.

– Препарат, который в течение нескольких дней я вам вводил, должен помочь справиться с негативом.

– С негативом? Ты так это называешь?!

– Хорошо. Я вижу, сарказм к вам вернулся, а это лучший из признаков того, что вам уже лучше. Я могу оставить вас на пару минут, чтобы принести еду?

– Конечно. – Я безразлично пожала плечами, вернувшись к пейзажу за окном.

За моей спиной Асмодей с облегчением выдохнул. И поспешил выйти.

А я четко осознала, что с этого момента началась моя новая жизнь.

Когда дверь за мужчиной закрылась, я, более не терзаемая своими демонами, решила оглядеть свои новые покои. В интерьере все кричало о баснословной и бездумной роскоши. Стиль его подразумевал имитацию обстановки замков средневековой Европы: высоченные потолки больше трех метров, люстры художественнойковки, которые хорошо освещали жилое пространство, но недостаточно для того, чтобы полностью рассеять сгустившиеся под потолком и в углах тени. Стены имитировали природный камень, а пол был покрыт плиткой, стилизованной под гранит. А может, это и был натуральный гранит – встать на колени и проверить желания не было.

Я не сильно разбиралась в тонкостях дизайна интерьера. Но кто бы ни приложил руку к обустройству внутреннего убранства помещения, у этого человека было четкое знание предмета и безупречный вкус. В итоге создавалось впечатление невероятно стильного и изысканного интерьера.

Все еще с трудом переставляя ноги, я стала обходить свои владения, осторожно дотрагиваясь практически до всего, до чего могла дотянуться. Старинные книги в толстых кожаных переплетах, написанные на непонятном языке, занимали огромный стеллаж, уходящий до потолка. Стол из черного дерева размером с целую комнату, был покрыт мелкими трещинами, говорящими о том, что ему лет примерно столько же, сколько должно быть и мне в этом мире. «Старичок!» – ласково обозвала я его и направилась дальше к причудливым безделушкам: статуэткам, вазам, фарфоровым куклам, занимающим отдельную нишу в огромном шкафу.

Я взяла одну куклу в руки и, со скучающим видом покрутив, вернула на место.

– А вот это уже что-то! – За куклами расположилось целое пастбище коней, вырезанных из цельных кусков золота.

– Золото... Ну, надо же, какое расточительство! – Я обвела ленивым взглядом, по меньшей мере, сотню скакунов размером с мой кулак, застывших в разных позах. – Но прикольно.

Не знаю, что вколосило Асмодей, но то, что это помогло вернуть мне позитивный настрой, безусловно, не могло не радовать. Самый момент, чтобы весело присвистнуть... но вместо художественно свиста я издала звук сдувающегося шарика, разбрызгивая слюни. «Определенно, нужно найти человека, который меня обучит этому делу!» – пробурчала я себе под нос, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Принцесса!

От громкого оклика я подпрыгнула и выронила лошадь, но тут же ее поймала своей голой стопой и громко, почти непристойно выругалась. В голове сделала пометку: впредь не ловить падающие тяжелые предметы ногами, это ооочень больно!

Я резко обернулась и увидела быстро приближающегося ко мне мужчину.

Зеленые глаза искрились радостью, ленивая, я бы сказала, божемная улыбка освещала каждую черточку приятного, чисто выбритого лица. А волосы того же оттенка, что и у меня, были выбриты на висках и собраны на макушке в длинную тонкую косу с вплетенными в нее черными бусинами, которая покачивалась при каждом шаге.

У меня буквально отвисла челюсть.

– Сестренка, что это с тобой? – Он насмешливо осмотрел нижнюю часть моего лица и пальцем захлопнул мне рот. Потом, небрежно подобрав ненавистную лошадь, хлопнулся на стул, водрузив свои ноги в тяжелых и грязных ботинках на антикварный стол.

Проглотив целый айсберг чувств и эмоций, вызванных появлением моего брата, я сдавленно пропищала:

– Слава...

Я смотрела и не могла поверить в то, что парень, сидящий напротив меня, это тот же Славдий, что и в моем прошлом. Только этот мужчина кардинально отличался от того, первого. Помимо великолепной внешности, на которой Астар не оставил отпечаток в своих лабораториях, Слава по состоянию ауры и текущей в нем энергии был совершенно другой. Задолго до того, как он меня поприветствовал, я его почувствовала. Его энергию, его силу. Буйную и всепоглощающую. Если раньше, в другой реальности, всполохи этой силы больше походили на мелкие брызги, то теперь это был океан. Безграничный, переполненный океан, мощный и неукротимый!

Осознание того, что с этим Славой не случилось тех ужасов, которые готовил для него Астар, наконец, скинуло с моей души такой огромный булыжник, что мне захотелось плакать, а самое главное – обнять брата. Несмотря на свой неприглядный, почти обнаженный вид, я подошла к Славе и бросилась ему на шею, из-за чего он чуть не свалился со стула, на котором балансировал.

Его тело под моим натиском напряглось, а сам парень в замешательстве замер. И посмотрел на меня, как на пришельца с другой планеты.

– Эмм... сестренка, это какая-то жалкая попытка меня убить. В следующий раз вместо душения попробуй подсыпать мне яду.

Я всхлипнула и смущенно попятилась, любуясь им уже без ужимок:

– Ты очень красивый.

Слава буквально поперхнулся словами, которые были готовы слететь с его языка, откашлялся, но быстро взял себя в руки и криво ухмыльнулся:

– Хм, говори мне это почаще, люблю подхалимов. – Он озорно мне подмигнул. – Кстати, не объяснишь, почему с утра я должен лицезреть унылого члена твоей личной охраны? – Его бровь вопросительно изогнулась, а его энергия стала осторожно меня ощупывать. Странное покалывание прошло от пальчиков ног до макушки и исчезло так же быстро, как и появилось. При этом Славдий подозрительно прищурился, и я ненароком испугалась, что вот сейчас начнутся вопросы, на которые я еще не готова была ответить.

Но мои опасения не оправдались. Славдий вернул своему лицу беззаботное выражение и, как бы между прочим, бросил:

– Ты какая-то несобранная и расстроенная. Что послужило тому причиной? Тебя посмел обидеть один из твоих рабов? Или ты плохо питаешься? – Он внимательно взгляделся в мое лицо. – Не стоит, зеленый цвет тебе не идет, – неожиданно засмеялся мужчина. И от этого смеха и тона, каким он говорил, мне стало неуютно. У меня сложилось такое ощущение, что Слава вообще не знал, что я практически неделю не покидала эту комнату.

Чтобы разорвать охватившую меня скованность, я поинтересовалась:

– А как у тебя дела, что нового?

Слава тут же активизировался. Наверное, этого вопроса он ждал больше всего.

– О, великолепно! Я побывал в Нисейне, Бейрейне и Мулинесе.

Я даже не представляла, что это, и просто молчала, ожидая продолжения.

– В Нисейне я участвовал в параде в честь урожая. Ммм... там делают невероятные вина, а какая у них изысканная еда! – Слава причмокнул, выражая этим высокую оценку. – В Бейрейне я наслаждался прекрасной охотой. – Он лениво улыбнулся и откинулся на спинку стула. – Знаешь, в этот раз рабы были не слишком прыткие и охота закончилась быстрее, чем я ожидал. – Поддельная грусть коснулась его лица. – Надеюсь, в следующий раз этот олух Вахрам постарается лучше, иначе сам окажется на месте дичи.

Я непонимающе тряхнула головой, шокированная его словами:

– Ты что, охотился на людей?!

– Ну да, – пожал плечами мой брат и снова подозрительно прищурился: – Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я быстро закивала, пряча в себя поглубже эмоции ужаса.

– Кстати, я предупредил тамошний сброд, что на воскресной охоте ты ко мне присоединишься. – Циничная улыбка озарила лицо моего брата, и у меня по телу пробежали мурашки. – Ну, а в Мулинесе я перетрахал всех девственниц. – Слава самодовольно потянулся и закатил глаза, предавшись приятным воспоминаниям. – Правда, одна сучка так сильно сопротивлялась, что пришлось ее успокоить... – он дико загоготал, – ...навечно! Но не переживай, сестренка, перед этим я всё-таки успел ее объездить.

Вот теперь мне стало совсем нехорошо. Я судорожно вцепилась в стол, надеясь, что ноги меня не подведут.

– Бл...ь! Эти воспоминания... – Слава резко поднялся со своего места, и стул, на котором он сидел, с грохотом отъехал в сторону. – Прости, сестренка, мне нужно срочно кого-нибудь поиметь, иначе я взорвусь.

Славдий подошёл ко мне и наклонился, чтобы оставить поцелуй на моем лбу. Но я отпрыгнула от него так рьяно, что чуть не упала.

– Нет, всё-таки ты какая-то несобранная, – улыбаясь, протянул парень и направился к двери. – Не знаю, что с тобой происходит, но надеюсь, суд быстро вернет тебе настроение. Через два часа жду тебя на конюшне.

И, весело бормоча себе под нос «Малине, Малине, я иду к тебе...», Славдий меня оставил.

Прекрасно! Неужели это то, о чем я мечтала – узнать, что мой брат чудовище?! Я опустилась на стул, на котором сидел Слава, и громко, в голос, засмеялась, не справляясь со своими новыми эмоциями. Как такое произошло? Что могло послужить причиной того, что он превратился в такого недалекого извращенца и изверга?!

– Не-е-ет... нет... нет, это не может быть мой брат! Демон – да! Демон, который забрал душу моего брата, но не он сам. Это не тот парень, который самоотверженно защищал всех и вся. Нет... нет, это не тот заботливый человек, для которого чужая жизнь была бесценной. Абсолютно нет. Это точно демон, воплощенный в теле моего брата. Да! Другого и быть не может... Боже мой, что же это такое? – Я устало потерла лицо руками. – Может, мне все почудилось и я неправильно расценила ситуацию? Да! Так оно и есть. Мне просто нужно узнать Славдия получше. Наверняка это все мои домыслы. Пока то, что он говорил, больше похоже на какую-то игру или шутку...

Конечно, даже речи не шло о том, чтобы ему все о себе рассказать. В этом плане мне нужно было быть внимательнее и осторожнее. Это новый мир, и пока я во всем не разберусь, я не имею права рисковать. Внутренняя неуверенность меня поддержала.

Я недовольно поморщилась. Врать я тоже долго не смогу. Я положила голову на холодную поверхность стола. Душевная борьба заставила меня вести внутренний диалог.

– Мира, я знаю, что тебе не очень хочется, но тебе нужно поговорить с Айвеной и все ей рассказать. Она тебе поможет со всем справиться.

– Угу...

– Хотя... нет, сначала наведайся на Землю и убедись, что с четой Миридовых и их дочерью Лидой все хорошо. А после поговоришь с Айве.

– Возможно...

– Нет, все равно придётся сначала встретиться с Айвеной и попросить у нее медальон. Без него не прыгнуть на Землю. – Я резко поднялась на ноги. – Значит, разговора с Айве не избежать...

Я натянуто улыбнулась. Все будет хорошо, и никак иначе.

Я стремительно направилась обратно в спальню, где, по моим предположениям, должны были находиться мои вещи. Но, не рассчитав последствий моей прыти, споткнулась и с размаху рухнула на колени.

– Ну ни минуты без происшествий! – чертыхнулась я, отплевываясь микробами, которые предположительно могли попасть мне в рот после поцелуя с отполированным полом. Потом, прихрамывая, добралась до ненавистной спальни, в которой все было пропитано сладостным грехом.

Только сейчас незатуманенным взором я смогла осмотреть помещение, и во рту опять пересохло. Зеркальные и матовые поверхности окружали кровать, которая стояла в самом центре. Деревянные столбики, которые поддерживали тяжелый тёмно-синий балдахин, были покрыты резьбой – не просто цветочки и бабочки или витиеватые узоры, а самые откровенные позы занимающихся сексом людей. Бесстыдности, которым могла позавидовать сама Камасутра.

– Нет слов!

Наконец, перестав с отвращением разглядывать резьбу, я заприметила то, что заставило меня замереть на месте: к изголовью кровати на длинной цепи крепились тяжелые узорчатые наручники, от вида которых я почувствовала, что становлюсь красной, как маков цвет.

Я пересекла помещение, оказавшись по другую сторону от широченной площадки для разврата, и мельком заглянула в ящик прикроватной тумбы.

– Ох!

Предметам, находящимся там, мог позавидовать любой маньяк, повернутый на сексуальных утехах, или гинеколог извращенец. Я даже боялась представить, для чего нужны все эти блестящие металлические штуки и когда в последний раз все это использовалось. Надеюсь, не в ночь перед моим появлением в новой реальности. И почему я сейчас чувствовала себя так, словно надо мной надругались?!

Мои плечи поникли, но потом я взяла себя в руки. Ничего, с этого дня все в моей жизни поменяется, а то, что происходило до и не со мной, вернее, происходило с моим телом, но без моего разума, не имеет значения. Нужно просто с этим смириться и начать все с чистого листа. А при первой возможности попросить обслугу от всего этого избавиться. Сама же я к этому ни за что в жизни не притронусь. Кто знает, в каких местах побывали эти штуки и какой биологический материал на них остался!

– Отвратительно! – Меня еще раз передернуло, и я вернулась к своей первоочередной задаче: найти одежду и заодно принять душ, который был мне жизненно необходим.

Вода вокруг меня пузырилась и плескалась, окутывала и расслабляла.

Оказалось, что в моем распоряжении находится целая купальня. Другого определения ей дать не могла. Огромный, встроенный в пол резервуар был наполнен теплой водой, источающей тонкий, но терпкий аромат сандала. Лепестки красных и розовых роз плавали по поверхности, создавая дивное впечатление. Снизу из каких-то невидимых труб поднимались пузырьки, расслабляя мышцы и приводя мои чувства в равновесие.

Резервуар был настолько большим, что я могла свободно плавать от одного края до другого, что я с удовольствием и делала. Правда, пару раз, полностью погрузившись под воду, я случайно глотнула воды; дико кашляя и отплевываясь, я убедилась, что на вкус вода не такая прекрасная, как на взгляд и запах: ароматические добавки делали ее горьковато-противной. Надо будет пожаловаться на такое безобразие. А то вдруг в следующий раз я захочу утонуть, и что? Я должна буду захлебываться горькой гадостью? Нет уж, увольте: если тонуть, то только в сладком сиропе!

Я откинула влажные волосы с лица. Хотя нет, от сладкого сиропа меня, скорее всего, стошнит, и это явно помешает моим планам. Ладно, сделаю в голове пометку: в ближайшее время – никаких игр в утопленников!

Разобравшись с мыслями по поводу ближайшего будущего, я на возрастающем позитиве ополоснулась под мини-водопадом и направилась напрямиком в гардеробную, которая находилась в соседней комнате с «пыточной» – так на время я решила окрестить свою спальню, пока в ней находились все эти железки, наручники и бог знает что еще. Называть ее спальней не поворачивались ни язык, ни совесть.

Удивительно, но в гардеробной все было готово к моему приходу. Кто-то невидимый приготовил мне наряд, повесив его на видное место перед огромным зеркалом.

Я пребывала в легком недоумении: иметь собственный мини-маркет, под завязку набитый одеждой, да не просто одеждой, а одеждой моего размера, было, по меньшей мере, забавно. Хоть я никогда и не была помешана на шопинге, и мне не срывало крышу по поводу шмоток, как, например, Лидке, определенно, такое изобилие вещей затронуло в моей душе невидимые струнки вождления. Я в предвкушении потеряла ладошки, чувствуя себя хулиганистым чертенком.

С любопытством пробежав взглядом по множеству отсеков с одеждой, я подошла к зеркалу и вернула свое рассеянное внимание предложенному мне костюму.

Мое воодушевление померкло, и я мысленно укорила невидимку за то, что он посмел предложить мне подобное.

– Женщина-кошка убила бы меня за право обладать этим костюмом! – с иронией крикнула я в неизвестность, надеясь, что мои слова дойдут до адресата.

Я скептически разглядывала черную лакированную кожу, которая под моими пальцами казалась мягче бархата. Соблазнившись, я с трепетом провела по ее поверхности ладошкой. В той жизни, в которой Мира прожила триста лет, я, возможно, с удовольствием надела бы это, но в нынешней, где я еще не растеряла багаж нравственных принципов, я только ухмыльнулась.

– О, прекрасный развратный комбинезон, я уверена, что твой час когда-нибудь настанет, но не теперь. Отныне мои прелести не будут достоянием общественности, и пусть поцелует меня в зад тот, кто с этим не согласен! – Я игриво поцеловала кончики своих пальцев и приложила их к бедру, подмигнув самой себе.

Отложив наряд в сторону, я открыла ближайшую из дверей гардеробной и с большим удивлением уставилась на ее содержимое. Все пространство было заполнено похожими вещами. Кожа, латекс, сетки, полупрозрачные ткани... Я опасливо взяла в руки кусок материи. Что это? Платье? Шорты? Юбка? Хмм... Носовой платок?

Да, наверняка только носовые платки бывают такого размера, потому что узнать в этой тряпице какую-то другую вещь было затруднительно. Или, проще сказать, невозможно. Ну и что, что платок имеет множество непонятных отверстий, наверняка это дизайнерская задумка. Я скептически покрутила его в руках: чего только не придумают модельеры, чтобы выделиться! С раздражением я зашвырнула вещьцу обратно.

– Мира, у тебя явно отсутствует вкус к нормальной одежде. – Я направилась к следующему стеллажу. Но там тоже меня ждало разочарование: мрачные наряды из секс-шопа занимали все пространство.

Тут я невзначай вспомнила про сестру Велиара.

– Лилит, если бы я знала, что мой гардероб будет наполнен подобным, – я быстро пробежала пальчиками по ровно развешенным вещам, – я бы никогда не назвала твои платья вызывающими. – От воспоминаний вернулась горечь. – Прости меня, Лилит...

Поразмыслив и поняв, что деваться, в принципе, некуда, я вернулась к зеркалу, возле которого валялся кожаный комбинезон. Через десять минут мучений все мои выпуклости были упакованы в черную кожу. Я была одета... но чувствовала себя все равно голой. Во-первых, как я ни пыталась, я не смогла найти нижнего белья. Видимо, моя предшественница считала ношение нижнего белья кощунством, и осквернять ее тело могла только одежда Женщины-кошки. Во-вторых, лиф от костюма корсетного типа приподнимал мою грудь на такую неприличную высоту, что ее можно было использовать как трамплин для горных лыж. Неоправданно вызывающе! Или при случае грудь можно было использовать вместо подноса. А что? Удобно: поставил тарелку и понес, зато руки свободны. Я невесело усмехнулась.

С усилием натянув до колена сапожки из мягчайшей кожи и заплетя длинную косу, которая теперь доставала до поясницы, я с любопытством и неверием уставилась на свое отражение, наконец-то почувствовав и осознав, как триста лет жизни отняли десять лет моей молодости.

– Боже мой, я старуха! – От обиды я стукнула кулаком по зеркалу. Мне захотелось расколотить его вдребезги, но я лишь смогла пустить рябь.

Из зеркала на меня смотрела уже не девушка, наивная и симпатичная, а женщина, черты которой заострились, полностью стерев подростковую непосредственность, свежесть и расцветающую молодость.

Нет, женщина в зеркале не была некрасивой. Наоборот, она была очень привлекательной и ослепительно изысканной, но во взгляде ее, в практически незаметных мимических морщинках угадывался отпечаток долгой и бурной жизни. Я нахмурила брови и поняла, что это движение делает морщинку над бровями глубже, и тут же попыталась расслабить лицо. Но получилось не очень. Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вымученной и неестественной. Как у восковой куклы.

Осознание того, что я выгляжу на тридцать, добавило мне депрессивных эмоций. Я тяжело выдохнула: блин, трудно осознать себя тридцатилетней, когда в душе тебе восемнадцать! Отвернувшись от своего отражения, к которому, видимо, будет трудно привыкнуть, я направилась на поиски завтрака. Есть хотелось невероятно.

Кстати, сейчас стало очевидно, что я копия Айвены. Если бы не светлые волосы, меня легко можно было бы с ней спутать.

Глава 3

– Принцесса!

Славдий сдержанно поприветствовал меня легким кивком головы и вернул свое внимание подростку, который запрягал мощного гнедого жеребца, похожего на того, которого Слава держал под уздцы.

От вида великолепных животных в моем теле начало искрить предвкушение. Я так давно была лишена возможности общения с этими милыми созданиями, что нетерпение буквально заставляло меня подпрыгивать на каждом шаге.

– Теперь можете оставить меня в покое? – недовольно обратилась я к своим охранникам, которые сопровождали меня с тех самых пор, как я покинула свои покои. Четверо мужчин – двое по бокам от меня и двое позади – ни на шаг от меня не отставали. Границы моего личного пространства были вероломно нарушены, что невероятно раздражало.

Возможно, я бы смирилась с таким положением, если бы одним из моих охранников не был мужчина с серыми глазами, тот, который всю неделю за мной ухаживал, став практически моим единственным другом, которому я до сих пор не удосужилась сказать спасибо. Мне было трудно глядеть ему в глаза, так как он видел мою истерику и мое уязвимое состояние. По правде говоря, мне было невероятно стыдно.

Может, отослать его служить в какое-нибудь другое место?

– Сестренка, ты как всегда хорошо выглядишь.

– Ты об этом? – Я смущенно покосилась на почти выпрыгивающую из декольте грудь.

– Раньше тебя это не беспокоило.

– В пять лет. Когда у меня не было груди.

Слава мягко рассмеялся. Обычным мягким смехом адекватного человека, без спеси или гордыни. Может, я была скоро в своих суждениях и он не такой псих, каким мне показался?

– Буквально пару недель назад, когда мы устроили скачки и ты была в более откровенном наряде, твоя грудь...

– Нет! Не хочу знать, что там случилось, особенно от своего собственного брата. – Я демонстративно прикрыла уши руками.

Приятный смех повторился, и Славдий наклонился к моему лицу:

– Имею полное право.

– Право на что? – решила уточнить я.

– На подобного рода колкости.

– Только не те, которые ниже пояса. Или, вернее сказать, сконцентрированы в области моего декольте.

– А кто, как ни я, хранящий твои самые грязные секретки, может делать подобные замечания? – почти в самое ухо прошептал мне Славдий.

Я непроизвольно вздрогнула. Нет, всё-таки в нем есть что-то пугающее.

– И много у меня скелетов в шкафу? – так же тихо спросила я.

Слава отстранился и внимательно посмотрел мне в глаза. В задумчивости потирая подбородок, прищурился. Потом с кривой усмешкой переспросил:

– Тебе отчет за месяц предоставить или за всю жизнь? – И вслух стал подсчитывать: – Одна сотня, две сотни, три...

Я не выдержала и фыркнула. Его беспечная и игривая реакция на абсолютно несмешные вещи начинала выводить из себя. Я легонько, для проформы, стукнула его по плечу и направилась поприветствовать гнедого жеребца, на котором мне предстояло сегодня ездить.

Великолепный статный красавец в расцвете сил приветственно пожевал мне волосы на макушке, а после довольно фыркнул. Взамен я ласково потрепала его по гриве и на секунду

замешкалась, не зная, как к нему обратиться. Странно будет, если я спрошу напрямую, как зовут моего коня. Но не успела я об этом подумать, как ответ сам пришёл мне в руки. Парнишка еще раз проверил надежность креплений и, поклонившись, отошёл:

– Госпожа, Смерть подготовлен, он в вашем полном распоряжении.

От изумления я приоткрыла рот и нервно хихикнула. «Покажите мне того идиота, который додумался высокородное, умное животное окрестить Смертью!»

– Нам нужно выдвигаться. – Одним ловким движением Слава запрыгнул на спину своего жеребца. Я последовала его примеру и так же ловко оказалась в седле, под которым был Смерть. «Интересно, меня совсем не должно тревожить имя коня? Может, под стать животному попросить называть меня Всадницей Апокалипсиса?»

– Мира! – окликнул меня мужчина.

– Да... да, я готова.

– Взбодрись! – Славдий кивнул и выслал свое животное вперед легкой рысью. Я направила коня в ту же сторону и заметила, что моя охрана, плюс еще человек десять, не меньше, равномерно распределившись по обе стороны от нас, сидя на таких же красивых лошадях. Солидно! Я больше не стала заострять внимание на чрезмерной опеке. Если того требуют правила, так тому и быть. Кто я такая, чтобы спорить с авторитетом Айвены, которая назначила нам со Славой такое сопровождение? Вернее, с повелительницей мира Эвелин. Не знаю, почему Айвена взяла и изменила свое имя на то, которым пользовалась на Земле, но звучало внушительно.

Больше всего меня поразило то, что Айвена стала правительницей. Хотя я думала над таким развитием сценария, но все равно была поражена. Но не расстроена, так как более сочувствующего, доброго и бескорыстного человека я не могла себе представить. Поэтому насчет мамы и ее правления я была спокойна. Ну, не нашла Айве себе за триста лет другое занятие по душе, и что с того? Пусть правит на здоровье. Притом, я уже успела оценить, что ее стараниями леса и поля, окружавшие Перлитовый город, сохранились. С высоты моего пентхауса это было хорошо видно. Планета процветает, благоухает и радуется глаз своим здоровым видом. Ничего плохого в этом не вижу.

– Сестренка, не отставай! – Славдий пришпорил своего коня и погнал его галопом, и я, все еще плавающая на волнах своих мыслей, сделала то же самое, втягиваясь в игру, предложенную моим братом, и мысленно примеряя, хорошо ли звучит титул «принцесса Мирослава»? Первый раз искренне улыбнувшись, я сильнее надавила на бока животного.

– Нет, Всадница Апокалипсиса звучит гораздо круче!

Адреналин успел смыть все негативные чувства и эмоции, оставив место лишь для полного восторга и умопомрачительного экстаза. Боже, как я соскучилась по этим ощущениям!

С каждым последующим шагом мое сердце начало ускорять свой бег. Причем, новая порция адреналина ничего общего с быстрой скачкой не имела. Это был другой вид адреналина – с примесью плохого предчувствия и страха.

Наша кавалькада остановилась и спешила на самой верхней ступени полусферического стадиона, очень похожего на Колизей, может, чуть больше. И я буквально онемела от открывшегося зрелища. Бесчисленное количество людей кричали, орали, создавая невообразимый шум. Лишь только когда в поле их зрения показались наши фигуры, голоса поутихли, и, как огромная схлынувшая волна, люди припали на колени, выражая свое почтение.

Паника, граничащая с обмороком, овладела мной. Я буквально приросла к земле, вцепившись в Славину руку. Но он лишь криво усмехнулся, отцепил мои пальцы и посмотрел так, что я похолодела.

– Сестренка, что-то не так?

– А?.. Наверное, съела что-то не то, вот и мутит немного. – Я обхватила себя руками и отодвинулась от него.

– Хочешь вернуться?

– Нет, – поспешно произнесла я, понимая, что сбегать – не самое умное решение. И, чтобы не показывать весь ужас моего состояния, я устала прямо перед собой, гордо приподняв подбородок. Я не могла знать, для чего предназначена эта арена, но я могла предположить по той обрывочной информации, которую успела собрать.

«Это место бойни».

Бурные пятна крови, которыми была покрыта земля внутри арены, заставили меня содрогнуться от отвращения.

Кровопролитие – это то, что я презирала больше всего на свете, кроме тех случаев, когда оно неизбежно при защите моей жизни или жизни моих близких. А гладиаторские бои, или как тут они называются, к этой категории не относились.

Тем временем Славдий вернул свое внимание толпе, а потом подал кому-то знак рукой. Через секунду над ареной раздался мощный трубный звук, который возобновил какофонию тысяч голосов.

Легкий толчок в спину вывел меня из ступора. Я обернулась и встретила с внимательным серым взглядом Асмодея. Он, легонько кивнув, показывал мне, чтобы я шла вперед.

– Серьезно? – Я окинула его скептическим и недовольным взглядом и начала не спеша спускаться к первому ряду, где находились наши со Славдием почетные места.

С каждым шагом мне становилось все труднее передвигать ногами. Пристальное внимание к моей персоне со стороны огромного количества зрителей давило, словно сошедшая лавина. Их эмоции и чувства я ощущала как свои собственные. Я улавливала вибрацию их ненависти, дыхание их страха вперемешку с благоговейным трепетом, и совсем сникла: первоначальные суждения о правлении Айве покачнулись.

Мы заняли два из трех расположенных в королевской ложе мест, оставив центральное место свободным. Сидя на расстоянии двух метров от Славдия, я стала нервничать сильнее, но внезапно почувствовала на своем оголенном плече теплую ладонь. Я обернулась и снова встретила взглядом с Асмодеем. Возможно, мне бы впору разозлиться на него, но я лишь благодарно кивнула. Но он уже смотрел на арену и не увидел, как я одними губами прошептала: спасибо...

Слава, теперь уже со своего места, поприветствовал всех присутствующих и официально объявил о начале открытия Игр Справедливости.

Если сказать простым языком, то я попала на суд, в котором нет судьи и присяжных, нет прокурора и адвокатов, а есть ты и твой противник. Если обвиняемый побеждает специально подобранного для него человека, то с него автоматически снимается вина и ему публично приносятся извинения одним из лиц правящей династии, то бишь, в данном случае, мной или Славой. Как оказалось, это небывалая честь и признание. А также, в качестве компенсации морального и, возможно, физического ущерба, у бывшего обвиняемого есть право на одно любое желание. Такой поворот событий можно было сравнить с лотереей, в которой ты выигрываешь миллион миллионов долларов.

Но, как я и думала, все оказалось не так просто. Обвиняемым в соперники давался человек, намного превосходящий его по физическим параметрам и умениям, и выдавалось самое убогое оружие. То есть шансы победить воина с огромным мечом в полных доспехах практически равнялись нулю.

Это все я узнала практически сразу, когда на арену вывели пятерых провинившихся. В этот момент мое сердце оборвалось. Истощенные, грязные мужчины и одна женщина.

Женщина! Женщину заставят участвовать в этом кровопролитии?! Немыслимо! Я задыхнулась от такой несправедливости и хотела возмутиться, но мой новый приятель напомнил о себе, чуть сильнее надавив на плечо и заставляя меня сидеть смиренно.

Следом на арене показался немолодой дядечка с посеребрёнными сединами волосами, держащий в руках несколько исписанных листков, и усиленным невидимым устройством голосом начал представлять каждого обвиняемого и перечислять их преступления.

Я затаила дыхание, как и все зрители. Мне не терпелось узнать, в чем повинны эти люди. Возможно, я опять скоро в своих суждениях и они действительно заслуживают смерти?

– Дилен О’Дайн, вас обвиняют в насилии и нанесении увечий своей соседке Мийл Д’Мор. Признаете ли вы себя виновным?

– Нет, – сквозь зубы выплюнул белокурый мужчина двухметрового роста, при этом от сильно сжатых кулаков на его руках заметно проступили вены. Я тут же подумала, что он сейчас даст волю своему гневу и врежет мерзкому старикашке.

– Тогда вы имеете право доказать свою невиновность, кхе-кхе... и уйти с арены с честью. Ваш противник в этом споре – Арим Ди.

При упоминании этого имени на арену вышел бугай, выше и крупнее обвиняемого раза в два. Интересно, он что, на стероидах?

– Выбирайте. – Дядечка показал на небольшой стол, на котором лежало несколько видов холодного оружия.

– Трезубец, – произнес Дилен О’Дайн, и понуро опустил голову, наверное, свыкаясь с мыслью о своей скоропостижной смерти. Ведь в его взгляде, кроме обреченности, больше ничего не осталось.

Вот теперь я не смогла молчать:

– Это несправедливо!

Слава обернулся на мой выкрик. Его брови удивленно сошлись на переносице, но буквально на секунду, так как он быстро потерял ко мне и к моим возмущениям всякий интерес.

Но ко мне тут же наклонился Асмодей.

– Что именно, госпожа?

Я молчала недолго и тихо, со злобой в голосе, бросила:

– Все это. Это неправильно... Ну, по крайней мере, нечестно.

– Ну, это не умаляет зрелищности, – с поддевкой изрек мужчина.

«Мне показалось или он меня в чем-то упрекает?!»

– Да кому нужна эта зрелищность?

– Вам.

Я не удержалась и обернулась к нему.

– Очень давно именно вы были организатором подобного судейства. И раньше вас никакие моральные вопросы не интересовали. Что поменялось?

От честности мужчины я опешила.

– Ты уверен, что вправе со мной разговаривать в подобном тоне? Не боишься?

– Нет! – твердо произнес мужчина, но так тихо, что его, кроме меня, никто не услышал.

Он выпрямился, убрал свою руку с моего плеча и вновь воззрился на арену, давая понять, что разговор окончен.

От его слов я была в легком замешательстве. Но подумать об этом я не успела, так как дядечка перешёл к четвертому обвиняемому, молодому парню с красивыми карими глазами. Только сейчас, когда я присмотрелась, я узнала в нем адониса, который был в моей комнате в первый день пробуждения и который... хм... мне даже в мыслях было стыдно произнести, что он со мной делал.

– Я же говорил, что порадуя тебя.

Я вздрогнула и обернулась к Славе.

– Его убьют?

– Если знать, кто его противник... то да, у него нет шансов.

Предчувствуя наихудший вариант, я тихо спросила:

– И кто?

– Я! – все так же непринужденно ухмыляясь, произнес Славдий, как будто речь шла о погоде. «Какой сегодня день, братик? Самый лучший для убийства невинных! Он так и нашептывает: убей... убей...»

В эту секунду я всецело почувствовала груз ответственности за жизнь незнакомца. Не знаю, почему, но мне показалось, что в том, что он находится там, виновата я.

– Зачем?

– О чем ты?

– Зачем тебе это?

Слава, как бы задумавшись, почесал затылок, и беззаботно пожал плечами:

– А разве для этого нужна причина? – И он хищно улыбнулся. Его глаза застелила пелена кровожадности, произвольно заставив мою шею втянуться в плечи.

– Ты не можешь...

– Почему нет, принцесса?

– Потому, что он мой! – Мой довод не убедил даже меня.

– Нет-нет-нет, сестренка! – Слава погрозил пальцем. – У нас уговор, помнишь? Я имею право наказать любого, кого сочту виновным, даже если этот кто-то принадлежит тебе.

Я прикусила язык.

– Но в чем его обвиняют?

– В государственной измене, – небрежно бросил Слава.

От шока у меня приоткрылся рот.

– Но это ложь. – Я умоляюще посмотрела на своего брата. – Слава, пожалуйста!

– Что «пожалуйста»? – вышел из себя мужчина. – С каких пор в тебе проснулось сострадание? Ты же бездушная и черствая! – Он невесело хохотнул. – Он что, стал тебе небезразличен за те два дня, что кувырчался в твоей койке?

– Что?! Нет! – возмутилась я и тут же пожалела о своих словах.

– Ну, тогда смотри и наслаждайся! – Славдий рывком снял с себя рубашку, сделав свое рельефное тело достоянием общественности. Достал из ножен свой меч и, перепрыгнув через ограждение, широкими, размашистыми шагами направился к обвиняемому. Ужас и страх заставили людей попятиться, единственная женщина на арене споткнулась и упала на землю, прикрыв голову руками. Даже дядечка, возившийся со своими бумажками, впал в ступор, а потом прытко отскочил на безопасное расстояние.

– Ты будешь первым, и, как ты уже понял, я твой противник. – Славдий выхватил у одного из мужчин в военной форме меч, перекинул его парнишке и обнажил свое оружие, которое крепилось к его поясу:

– Давай, докажи свою невиновность.

С нечеловеческим усилием Слава размахнулся и обрушил на бедолагу всю силу своего гнева. Парень лишь чудом успел поднять оружие и заблокировать удар.

Я привстала и вцепилась в ограждающие перила, с ужасом наблюдая за происходящим и убеждаясь в том, что его слова, небрежно брошенные утром, были правдой. Он действительно морально пал, и убить невинного человека для него не являлось чем-то запретным. Он действительно жаждал отнять чью-то жизнь на каком-то сакральном уровне и получал от процесса извращенное удовольствие.

От сознания, что изменение прошлого могло породить подобное чудовище, мне стало страшно. Нет, это какая-то ошибка! Слава – самый добрый и сочувствующий человек после меня. Он бы никогда не стал причинять невинным людям боль. Но мои слова шли в разрез

с тем, что я наблюдала на арене. Всех людей увели обратно, оставив один на один Славдия и кареглазого парня.

Должна отдать ему должное: парень умело обращался с мечом и ловко отбивал яростные атаки, но все равно его выучки было недостаточно для того, чтобы бороться с трехсотлетним опытом. Я вообще сомневалась, что в мире найдётся человек, который сможет противостоять Славдию.

Подтверждение этого не заставило себя долго ждать: после очередного мощного удара парень покачнулся и завалился набок. Его рука кровоточила.

Толпа, которая жаждала крови не меньше Славдия, взревела и, как одна мощная волна, поднялась на ноги и начала скандировать:

– Виновен! Виновен! Виновен!

«Боже! Из-за моей неосмотрительности сейчас прольётся кровь невинного!» Я попыталась перекинуть ногу через перила, чтобы остановить это безумие, но Асмодей вновь вмешался, крепко вцепившись в мое предплечье.

– Убери руки!

– Это глупо.

– Сейчас же убери руки! – Мой голос начал вибрировать от мощной энергии, проснувшейся в моем теле. Той энергии, которую я чувствовала только мельком и которой приписывала нереальность.

– Нет, – тихо, но невероятно твердо и требовательно проговорил мужчина.

Я непонимающе моргнула. Его фамильярность притормозила меня. Асмодей, воспользовавшись заминкой, одним резким движением усадил меня обратно на место. Я даже возразить не сумела. А он, между тем, наклонился к самому моему уху:

– Хочешь жить – смирись.

В этот момент я почувствовала, что сейчас произойдет то, чего я пыталась избежать. И тут же, забыв обо всем, вновь посмотрела на арену.

Кареглазый парень задыхался. Его тело, приподнятое над землей, конвульсивно дергалось в руках Славдия, который держал его за шею. Нужно было обладать нечеловеческой силой, чтобы вот так, без напряжения, удерживать человека практически одной рукой.

Когда жизнь практически покинула тело парня, а глаза его начали терять свет, Славдий сделал то, что я никогда и нигде не забуду. Он приблизил лицо кареглазого к своему практически вплотную – это было похоже на желание поцеловать, сосредоточился, а после начал вытягивать из парня жизнь, которая вытекала медленно, подобно дымке из его приоткрытого рта.

«Пожиратель душ»!

Это определение огромными красными буквами болезненно пульсировало у меня в голове. Смотреть на это было и страшно, и одновременно удивительно.

Между тем, энергия, выходящая из парня, стала окутывать моего брата, создавая вокруг него легкие завихрения, наполняя и питая его.

Издав последний вздох, который я почувствовала кожей, бедняга умер.

Славдий глубоко втянул в себя воздух и, наконец, разжал пальцы. Тело пустой грудой мышц и костей упало к его ногам.

В эту секунду, почувствовав мое пристальное внимание, Слава обернулся и обжег меня ненавидящим, полным боли и презрения взглядом, заставив меня отшатнуться, как от болезненного удара.

Глава 4

Я честно пыталась в этот момент потерять сознание, но, видимо, мое тело, закаленное пытками Астара, не могло позволить себе такую роскошь. После того, как пресыщенный Слава устало опустил на свое место, он медленно осушил бутылку воды, но не обмолвился со мной ни словом. По ощущениям, даже смотреть в мою сторону ему было, как минимум, противно.

Вытерев рубашкой капли крови со своей груди, Слава лениво откинулся на спинку каменного трона, закрыл глаза и подставил лицо солнцу. Теперь он был умиротворён и как никогда спокоен, по его лицу расплзалась божественная улыбка. В эту минуту он походил на самодовольного кота, который тайком слопал целую банку сметаны. Только оставалось замурлыкать.

– Похоже, с муками совести у тебя все в порядке, братец? – съязвила я, не удержавшись. Но Славдий меня проигнорировал.

Между тем, публика рукоплескала. Она неистовствовала от того, что могла ментально прикоснуться к неведомой силе, излучаемой моим братом. Я чувствовала, как они неподдельно его обожают и боятся: от одного его мимолетного взгляда хищника, выбирающего новую жертву, люди сжимались и отворачивались.

Я же смотрела от Славдия ошеломленно, с примесью отвращения, не узнавая в этом человеке родственную душу. Хотя у монстров вообще нет души; может, поэтому он высасывает чужие?

Раньше я умирала от любопытства, рисуя в своем воображении догадки, какую часть силы Славдия Астар у него отнял. И сегодня я четко получила ответ на свой вопрос. Слава управлял потоками энергии: как я предполагала, он не только отнимал ее без остатка, но мог ее и подарить, но во втором я была не уверена, так как вряд ли этот эгоистичный человек кому-то что-то безвозмездно отдал бы.

– Ты, – я указала пальцем на Асмодея, – пойдешь со мной.

Мужчина насторожился, но лишь почтительно склонил голову. Открыто, при Славдии, он не решился со мной спорить. Умно.

Я поднялась со своего места и направилась вдоль ограждения вниз по узкой лестнице, которая вела, по моим предположениям, напрямиком под арену.

Слава на мой уход никак не отреагировал. Даже не пошевелился.

– Госпожа, вам не стоит туда спускаться, – на последней ступеньке тихо проговорил Асмодей. Его непонятное волнение еще больше раздражило мою злость, вернее, часть темной энергии, оставшейся от прежней хозяйки. И мне это было на руку.

– Закрой рот, если не хочешь оказаться на месте того бедолаги! – Я качнула головой в сторону арены. Но моя угроза не возымела должного эффекта.

– Вы не можете отменить правила.

– Откуда ты знаешь, что я задумала? – Я смерила его презрительным взглядом. – Я имею право на все! Я их создала, я их и отменю! И никто не вправе мне указывать!

– Если бы это было вчера, то возможно.

Я резко остановилась. Мы оказались в укромном закутке возле входа в подземелье.

– Поясни.

– Эта арена существует уже двести с лишним лет, она стара как мир. Вы не можете отменить то, что стало частью культуры и наследия.

– Не хочу ничего знать! – Я резко развернулась на пятках и еще более уверенно направилась к обреченным на смерть людям. – И вообще, почему ты со мной так разговариваешь? То, что мы спим вместе... вернее, спали, и то, что ты видел меня уязвимой, не дает тебе морального права меня упрекать... и советовать тоже.

– Не в этом дело.

«А в чем тогда?» – намеревалась полюбопытствовать я. Но мы уже подошли слишком близко к разномастной толпе, при которой не стоило выяснять отношения. Поэтому, жестом велев дядечке с листками замолкнуть, я обратилась к нему:

– Кто ты? Представься.

Не знаю, правильным ли был тон моего голоса, но дядечка вздрогнул, выронил все бумаги и упал на колени, как и все те, кто находились внутри. Это меня сильно смутило, и мне захотелось попросить, чтобы они больше так не делали. Но, понимая, что это пустая трата времени, я, задушив в себе порыв скромности и закусив губу, стала ожидать ответа.

– Ваша милость, я Эклир, судебный исполнитель.

– Поднимись!

«Ого, а умение командовать у меня в крови!» Дядечка тут же неуклюже встал и сложил руки на коленях, ожидая моих дальнейших указаний. Но так как таковых не последовало, он робко поинтересовался:

– Ваша милость, позвольте, я отправлю следующего обвиняемого, и вы расскажете, почему удостоили старого человека своим вниманием?

– Не позволю. – Эклир удивленно моргнул, а те бедолаги, которые все еще не решились подняться, стали с удвоенным рвением прислушиваться к занимательному разговору. – Сначала скажи, действительно ли так страшны те преступления, которые приписывают этим людям?

Споря со Славой, я пропустила все, что зачитывал дядечка, и мне было за это стыдно. Но сейчас, засунув подальше этот неловкий момент, я с решительным лицом ждала ответа. Надо отдать дядечке должное: он нисколько не растерялся и, видимо, списав мое невнимание на скуку или еще что-нибудь несущественное, стал ловко поднимать свои бумажки, пытаясь найти ту, где были выписаны приговоры людей, склонившихся передо мной. В нетерпении нервно передернув плечами, я подошла к одному из мужчин, присела возле него на корточки и доверительно спросила:

– За что тебя судят?

Мужчина поднял взгляд, задержал его на мгновение на моем декольте. Потом, смутившись, снова опустил его мне под ноги:

– За изнасилование.

– И избиение, – ехидно добавил дядечка, который совсем перестал мне нравиться. Ненавижу высокомерных выскочек. Особенно тех, которые за счет других пытаются выглядеть лучше. Проигнорировав выкрик, я снова поинтересовалась:

– Ты это совершал?

Мужчина дернул головой и, наконец, решился на зрительный контакт.

– Нет, госпожа, она меня оболгала. Я бы никогда... – Мужчина тяжело сглотнул. – Я бы никогда не обидел женщину, даже такую ведьму, как...

Пытаясь сдержать в себе весь груз своего горя, он сломался, и из его глаз покатались крупные слезы.

Мое сердце сжалось от жалости. Теперь пришла моя очередь тяжело сглатывать. Я не была детектором и не могла отличить правду от лжи, но я ни за какие коврижки не могла дать погибнуть человеку с недоказанной виной, без сбора улик, опроса свидетелей и прочих необходимых процедур.

– Не переживай, я сделаю все от меня зависящее, чтобы выяснить правду. И даже если ты окажешься виновным, ты не лишишься жизни, а понесешь справедливое наказание.

Мужчина пару раз неверяще моргнул, яростно стирая ненавистные слезы.

– Спасибо, госпожа, о большем я и мечтать не мог! – И кинулся целовать мне ноги.

– Стой! – Я в ужасе отпрыгнула в сторону. – Твоего «спасибо» мне более чем достаточно. А что сделала ты? – Я перевела взгляд на склонившуюся в поклоне женщину.

Та не пошевелилась и даже не отреагировала на мой вопрос.

– Что с ней? – обратилась я к Асмодею.

– Очевидно, она испытывает перед вами страх.

Я удивленно посмотрела на мужчину, но он лишь слегка пожал плечами. «И чем, интересно, я заслужила такую славу?» Я поморщилась от пропитавшей меня горечи. Хотелось пошутить, что свой дежурный тесак я забыла дома, но я побоялась, что мой юмор окончательно добьет несчастных людей.

Я легонько коснулась кудрей, которые прикрывали лицо женщины, пытаюсь дать ей понять, что мне можно доверять.

– Тебе нечего бояться. Расскажи, в чем тебя обвиняют.

От моего прикосновения женщина дернулась и сжалась сильнее, а из ее горла начали вырываться сдержанные рыдания.

– Она украла хлеб у почтенного гражданина! – брызжа негодованием и слюной, подсказал выскочка, который окончательно меня взбесил.

– Что? Хлеб?! – Я яростно вскочила на ноги и направила весь свой гнев на дядечку, который сразу же ссутулится и втянул голову в плечи. Я не знала, что хочу с ним сделать, поэтому просто вырвала из его рук ненавистные бумажки и разорвала их пополам. – По-вашему, за кусок украденного хлеба она должна лишиться жизни? Вы в своем уме?! – крикнула я, буквально краснея от злости.

– Но гос-с-спожа, – начал заикаться Эклир, – это в-ваше прав-вило...

– Женщину освободить, немедленно! И тех, кто не совершал тяжких преступлений. А остальных запереть до выяснения всех обстоятельств, – я ткнула пальцем в грудь Эклира, – которые вы теперь будете тщательно проверять. И перед тем, как кого-то приговорить к смерти, вы тысячу раз убедитесь, что он ВИНОВЕН, а после будете спрашивать моего мнения и ждать от меня вердикта! Понятно?! – зло выкрикнула я.

– Но...

– Никаких «но»!

– А что на это скажет ваш брат?!

– С ним я сама разберусь.

– А они? – Эклир выкинул руку в сторону, указывая на трибуны, где уже начал возмущаться народ, пришедший за зрелищами и кровью.

– Они сегодня уже получили то, зачем пришли. Даже больше. Поэтому делайте, как я сказала, или сами окажетесь на арене... для развлечения тех, о ком печетесь.

Эклир побледнел настолько, что мне стало его жалко, но не настолько, чтобы себя упрекать. Поэтому, больше не имея ни сил, ни желания дискутировать по этому поводу, я, резко развернувшись, направилась прочь. И вслед мне донеслось еле слышное:

– Спасибо!

Когда мы с Асмодеем вернулись обратно, Славы нигде не было видно, как и половины нашей охраны. Он оставил меня, даже не попрощавшись. Хотя чего я ждала после того, что он сделал? Дружеского объятия или душевной беседы? «О, милый братик, как тебе на вкус тот бедолага?» «Да, так себе. Жестковат» «Ничего, в следующий раз найдем кого-нибудь повкуснее...»

Бррр! От глупых мыслей меня пробрала дрожь омерзения.

– Возвращаемся, – кинула я через плечо сероглазому. – Мне нужно срочно увидаться с Айвеной.

Асмодей не стал уточнять, но по его взгляду я поняла, что он не знает, о ком идет речь. Я устало выдохнула:

– Я хочу увидеть свою мать.

Тогда его глаза стали походить на блюдца, как и глаза тех охранников, которые были ближе к нам. Меня их вид неподдельно смутил:

– Что еще не так?

– Ничего, госпожа, простите. – Охранники поспешно спрятали взгляды у себя под ногами. Все, кроме Асмодея.

Я подозрительно прищурилась. Не покидавшее меня раздражение вновь стало набирать обороты. Я схватила сероглазого за руку и отвела в сторонку:

– Говори, что я опять не так сказала или сделала?

Но он проигнорировал мой вопрос и резко схватил меня за запястье, но так, что со стороны этот жест казался дружеским. И притянул меня ближе, столкнув нас нос к носу:

– Прежде чем я что-то скажу, подарите мне поцелуй.

– Ты совсем обнаглел! – Я буквально онемела от шока.

– Всего один из тысячи, которыми вы награждали меня на протяжении восьми лет.

– О-о-о! – только и смогла выдохнуть я.

Мужчина ждал. Он находился в такой близости от меня, что мое тело от нервного напряжения стало чувствовать возбуждение. Асмодей был очень хорош... конечно, не сравнить с Велиаром, но все же. Серые глаза с серебристыми искрами от освещения либо светлели, становясь голубыми, либо темнели, приобретая холодный оттенок. Темные широкие брови создавали неглубокую морщинку, когда сходились вместе как сейчас. Темные волосы были коротко подстрижены, полностью открывая пропорциональные черты мужественного лица с чуть искривленным носом, видимо, не раз сломанным, и узкими, но соблазнительными губами. Легкая небритость заостряла скулы мужчины, делая их выше. В эту секунду взгляд Асмодея был очень похож на тот, что дарил мне Велиар. И это осознание было похлеще отрезвляющей пощечины.

Я взяла себя в руки, мысленно попросила у Велиара прощения за то, что позволила себе мимолетное отвлечение, и ровно произнесла:

– Нет.

Мужчина выдохнул от огорчения, практически касаясь моих губ, и потянулся к моему уху, обдав его своим дыханием:

– Тогда ты... точно не она. – Он по-свойски чмокнул меня в висок, как будто ему было это позволено и, прежде чем отклониться добавил: – Не привлекай к себе излишнее внимание. Не говори о том, чего не знаешь.

Когда мы добрались до «Цитадели зла», я просто кипела от нетерпения, негодования и непонятно чего еще. Мне нужно было срочно поговорить с Айве, рассказать, что со мной случилось. Узнать, как жить в мире, построенном ею, и как с этим смириться. Попросить ее научить быть частью новой для меня семьи и разобраться в поступках и мотивах Славы, которые до жути пугали и до боли терзали мою душу.

– Простите, госпожа, но повелительницы миров Эвелин нет, – отрапортовал человек, стоящий возле ее покоев по стойке смирно.

– Где она? – спросила я, не церемонясь и не распыляясь на приветствия.

– Простите, но мне это не известно.

За спиной я услышала вздох облегчения моего спутника, который неотступно за мной следовал, досаждая разговорами о том, что мне не следует сейчас встречаться с моей матерью, пока я не поговорю с ним и не узнаю, какую-то суперважную секретную информацию. Агент ноль-ноль семь недоделанный... Но сейчас я не была настроена играть в шпионов, поэтому лишь отмахнулась от него.

– Хорошо, – сквозь сжатые зубы, как можно спокойнее произнесла я. – Тогда скажи, когда она появится?

– Это мне тоже не известно.

В разговор вступил Асмодей:

– Госпожа, я думаю, вам будет лучше вернуться в ваши покои и дождаться возвращения повелительницы. Как только она появится, вас об этом известят.

– Не смей мне указывать, что делать!

– А его, – я указала пальцем на побледневшего охранника, – раз он такой никчёмный, четвертовать!

Ох!.. Я резко прикрыла рот ладонью. Это точно не могла быть я! В этот момент я почувствовала, как энергия прежней хозяйки сумела не только взять вверх над моими эмоциями, но и каким-то образом заставила меня произнести то, что я бы никогда не произнесла. Нечто непонятное, черное, нечистое, беспросветное, то, что было неотъемлемой частью прежней Мирославы, угнетало меня. Я тряхнула головой и досчитала до пяти, обретая над собой контроль.

«Черт! Мне только не хватало борьбы с самой собой!»

– Стойте! – Для большей убедительности я загородила собой мужчину, к которому уже тянула руки моя неотступная охрана. Та в нерешительности остановилась. – Я пошутила.

Я нервно хихикнула и обернулась к едва живому от страха человеку:

– Это шутка! Служи дальше! – и, стараясь скрыть эмоции по этому поводу, стремительно направилась к себе, избегая любого контакта с окружающими.

– У тебя пять минут на то, чтобы сообщить мне то, что, по твоим словам, является очень важным. – Я скрестила руки на груди, закрывая доступ к самой соблазнительной части своего тела, и, показывая свое нетерпение, стала отстукивать ритм ножкой. – Говори!

Асмодей прищурился, потер подбородок, явно не зная, с чего начать.

– Твое полное имя и должность? – услужливо подсказала я.

– Меня зовут Асмодей Анх Валиус. Но, прежде чем я продолжу, попрошу вас присесть.

Я нервно переступила с ноги на ногу, но уступила его просьбе и опустилась в мягкое кресло, закинув ногу на ногу, но все так же не убирая руки с груди.

– Заметь, сегодня я терпением не отличаюсь.

Мои слова заставили мужчину улыбнуться, но глаз это не затронуло. В них осталась холодная решимость.

– Когда, то давно, – он зарылся в волосы рукой, предавшись воспоминаниям, – я, окончив военное училище, поступил сюда на службу. Так как мой послужной список был безупречен...

– Не интересно. Ближе к сути.

– Я стал привилегированным военным. Моей первоочередной задачей являлась безопасность правительницы миров Эвелин.

– И что же входило в твои обязанности? – ехидно поинтересовалась я. – Наверняка не только ходить за ней по пятам и прикрывать ее своей грудью от пуль и прочих посягательств на ее жизнь?

Мужчину моя колкость нисколько не смутила, и он нахально улыбнулся:

– Твои намеки, Мира, более чем прозрачны. Если тебя интересует, спал ли я с ней, то спросила бы напрямую.

– Мне плевать, спал ли ты с моей матерью или нет.

– Не сомневаюсь.

– И что было дальше? Вы любили друг друга, и все такое...

– Нет, это была не любовь, а просто секс.

– Так, хватит, не хочу этого знать. – Я резко поднялась на ноги, давая понять, что разговор окончен. Но Асмодей не позволил мне уйти и вырос возле меня, как непреступная крепость.

– Отойди! – сердито произнесла я на радость сгущающейся темной энергии, которая только ждала повода, чтобы вырваться наружу.

– Однажды я стал невольным свидетелем одного любопытного разговора. Я дремал после бурной ночи, когда услышал спор Эвелин со своим приближенным, советником Римом.

Я села обратно в кресло, заинтригованная его словами.

– О чем они спорили?

– О вашей смерти.

– Что?!

– Да, у них была жаркая дискуссия, которая заставила меня пробудиться. Я стал прислушиваться – не все помню точно, как-никак восемь лет прошло, но помню суть разговора, показавшегося мне тогда очень странным.

Я не сразу почувствовала, что затаила дыхание, а в горле пересохло.

– Они спорили о том, стоит ли вас убивать.

Я нервно выдохнула.

– Эвелин сказала, что есть большая вероятность того, что ее дочь сгинет и на ее месте появится самозванка, которая может погубить все, чего она с невероятным трудом добилась.

– А что ее советник?

– Советник, как ни странно, с ней не соглашался. Он говорил, что это все ничем не подкрепленные домыслы, и что ваша смерть не принесет ничего хорошего и подорвет устои планеты, которые с таким трудом удалось наладить. Потеря одного представителя власти ослабит их перед врагами, которые только и ждут момента, чтобы свергнуть Эвелин.

– Что конкретно они имели в виду, когда говорили, о самозванке?

– Я лишь услышал, что эта самозванка будет точной копией ее дочери, но внутренне будет от нее отличаться, что может привести к большим неприятностям, более серьезным, чем внешние враги, угрожающие всей планете в целом. Конечно, Эвелин в расцвете сил, она смогла поработить не одну планету, но остались еще те, кто ни при каких обстоятельствах не хочет с этим мириться.

От услышанного я потеряла дар речи. Только когда мои пальцы задеревенели от того, что я со всей силы сжимала подлокотники и проделывала в потёртой коже дырки, я чуть расслабилась.

– Почему же они меня сразу не убили?

– Они сошлись на том, что подождут того самого момента, который, возможно, и не наступит. – Асмодей пожал плечами.

– Моя мать хочет меня убить, – как во сне повторила я и понуро опустила голову. Явное предательство Айвены больно резануло по сердцу. Я потеряла ладонью под грудью, пытаюсь унять тянущую боль.

– Мне очень жаль, госпожа.

– Ты же знаешь, что я не она. Можешь не называть меня госпожой, я к этому не привыкла.

– Это не отменяет вашей сути.

– Ты шутишь. – Я удрученно покачала головой. – И вообще, я не понимаю, почему ты не побежал докладывать ей обо всем в первый же день? Зачем ты за мной ухаживал и скрывал от всех мое состояние?

Лицо Асмодея стало задумчивым, но он не ответил.

– Почему ты не связался с Айве... тьфу, то есть, с Эвелин и не доложил о своих подозрениях? Получил бы к своему безупречному послужному списку еще одну галочку.

Между нами повисла тяжелая пауза, которую можно было легко ощутить. От взгляда мужчины по моей спине прошёл холодок. Взгляд был пронзительный, с отпечатком печали, тоски и глубокого замешательства, которое подсказало мне, что такая мысль уже посещала голову Асмодея.

Я первая нарушила молчание, сухо выдавив из себя:

– Только не говори, что ты влюблен в меня. Вернее, в ту Мирославу, с которой делил постель. – Я нервно хихикнула и, не выдержав напряжения, первой отвела взгляд.

Мужчина опустился возле меня на корточки, положил ладони на подлокотники кресла, в котором я сидела. От слишком близкого контакта я отпрянула. Поддаваться на его чары я не собиралась, поэтому состроила самое недовольное из всех возможных лиц.

Но мужчина не смутился.

Ничего не говоря, он резко наклонился вперед и поцеловал меня.

Глава 5

Первая секунда – шок. Вторая секунда – ступор. Третья – яростный взрыв сверхновой... Я даже не поняла, что сделала, но когда мои руки коснулись мужчины, чтобы его остановить, из его груди вырвался болезненный стон и он отлетел в сторону, как от электрического разряда. Очень мощного разряда.

Я тут же подбежала к нему, присела рядом, пытаюсь помочь, но он отказался, небрежно отмахнувшись, и глупо заулыбался:

– Да-а... а бьешь ты не хуже, чем прежняя Мира.

Я, как безумная, уставилась на свои руки.

– Но... но... я не знаю... Что это было?!

– Видимо, я тебе не очень симпатичен. И впредь, если мне захочется чего-то подобного, я должен спросить у тебя разрешения, – попытался пошутить Асмодей.

– Прости, я правда не хотела. – Я виновато опустила голову. – Тебе очень больно?

– Нет. Если честно, я уже привык.

Я нахмурилась.

Асмодей осторожно, как будто боясь повторения чего-то подобного, дотронулся до моей ладони.

– Ты такое делала раньше?

Я удрученно покачала головой:

– Нет. Это, наверное, осталось от прежней хозяйки.

– А разве такое возможно?

– Похоже, что да. – Я поднялась на ноги, чувствуя его напряжённое ожидание. – Мне кажется, я чувствую энергию... плохую энергию, черную, которая так сроднилась с этим телом, что не покинула его даже после того, как я в него вселилась.

Мужчина медленно поднялся, размышляя над моими словами.

– Это из-за нее ты так странно вела себя с тем охранником возле покоев Эвелин?

Я кивнула.

Молчание затягивалось. Асмодей явно что-то обдумывал. Наконец, сделав какой-то неведомый мне вывод, он тихо произнес:

– Теперь уже я полностью заинтригован, и хочу узнать, кто ты и откуда.

Обернувшись, я поймала на себе его пристальный взгляд. Не зная, с чего начать, я, наконец, смогла из себя выдавить:

– Ты в курсе, какой силой обладает вся наша семья?

– Это не секрет. Вы при любом удобном случае ее демонстрируете. И не всегда для добрых дел.

– Хорошо. Тогда все проще, чем кажется. – Я прикрыла глаза, собираясь с духом, и, глубоко вдохнув, произнесла: – Я – та, кто своими бездумными действиями создала эту реальность.

Брови мужчины удивленно приподнялись. И я почувствовала, что он с нетерпением ждет продолжения.

– Ох, всё-таки это сложно... Придётся рассказывать с самого начала.

Асмодей утвердительно кивнул.

И я начала. Рассказала все – с того момента, когда жизнь столкнула меня с Иконом, и закончила тем, как Велиар ради меня изменил ход событий, прикончив своего отца.

– Ты его любила?

– Кого? – До меня не сразу дошло. Прошло, по меньшей мере, минут тридцать с того момента, как я в красках все рассказала Асмодею, захлебываясь своими горестными эмоциями. Но его реакция последовала не сразу: он глубоко ушёл в свои размышления, уставившись в окно. В этот момент полной тишины я поймала себя на мысли, что перегорела эмоционально и физически и меня клонит в сон. Удобно устроившись на диванчике, я прикрыла глаза.

– Велиара. Сына Астара. Ты его любила?

Я неприлично громко зевнула.

– Это все, что ты уловил из моего рассказа? – сонно пробормотала я.

– Ответь, – настаивал мужчина, которого явно не заботили вселенские проблемы и мои угрызения совести.

– Нет, ну сколько можно! – Я опять стала раздражаться. – Да! Я его любила, понятно? Очень сильно любила.

– Понятно, – как-то сухо произнес мужчина, вновь уходя в свои мысли.

«Ура. Может, теперь я посплю». Я попыталась задушить в себе раздражительность, которую дарил мне мой внутренний демон. И уже хотела попросить Асмодея уйти, пока я опять не натворила бед и не обидела человека, единственного в этом мире, кто мог мне помочь. Мне нужно было все хорошенько обдумать, ну или, в крайнем случае, просто отдохнуть, но не успела я открыть рот и сказать ему об этом, как он многозначительно изрек:

– Так значит, тебе восемнадцать...

Я закатила глаза и кивнула.

– Я понимаю, это пахнет бредом, особенно когда я выгляжу далеко за... Но это факт.

– Поэтому ты и ведешь себя так...

– Как? – тут же враждебно зашипела я.

– Так эмоционально и, самое главное, безрассудно. При том, что к твоей темной сущности это отношения не имеет.

– Неужели это так заметно?

– Я вообще удивляюсь, как с твоей беспечностью тебе удалось дожить до сегодняшнего дня.

– Эй! – Я легонько насупилась, отказываясь принимать правду. – Я не беспечна!

– Еще как. Разве не беспечно с твоей стороны целовать практически незнакомца? – Асмодей намекал на себя, послав мне улыбку чеширского кота.

– Что? Да я тебя чуть не убила! Тебе что, от удара мозга вышибло?!

– Да, если бы не этот неприятный инцидент, – Асмодей неосознанно дотронулся рукой до груди, – ты бы явно приняла то, что я хотел тебе предложить. Я прекрасно чувствовал, как твое тело на меня реагирует.

– Слушай... видно, удар действительно был слишком мощный. В следующий раз, если ты попытаешься меня поцеловать, я поставлю тумблер на щадящий режим, чтобы твои мозги не задымились и ты не нес всякую ересь.

– Отрицание – первый признак того, что я прав, – самодовольно ухмыльнулся мужчина. – И кстати, – Асмодей все не унимался, – нелогичность твоих поступков – один из признаков беспечности. Если хочешь добиться конкретной цели, у тебя всегда должен быть план.

– У меня был... то есть, он есть... то есть...

– Я заметил. – Брови мужчины скептически взлетели вверх.

Я насупилась:

– Иди к черту! – И замолчала. Спорить больше не хотелось, признавать очевидное было сложно. С моей стороны это выглядело бы слабостью.

Может, из-за этого у нас с Велиаром и не получалось нормального диалога. Дело не в беспечности и не в нелогичности... или что там еще напридумывал Асмодей со своими поцелу-

ями? Я сейчас думала о том, что никогда не признавала правоты Велиара, всегда шла ему наперекор, подвергала сомнениям его слова, хотя в душе признавала, что он прав. Зачем? Почему?

Да уж, психолог бы мне точно не помешал...

Я устало провела рукой по лицу, не вслушиваясь в то, что говорил Асмодей.

– ... хранитель.

– Что?

– Я говорю, у тебя замечательный ангел-хранитель.

– Был, – удрученно произнесла я.

– Скажи, Мирослава, как ты справляешься со всем этим?

– С чем? – до меня не сразу дошло.

– Ну, с болью от потери Велиара.

– Seriously?!

– Абсолютно. Как ты справляешься с этой болью? – Асмодей ждал ответа с какой-то подозрительной заинтересованностью, и в эту минуту его взгляд стал невероятно напряженным.

– Ну, ты сам все видел. Я бы, наверное, сошла с ума, если бы не твои чудо-уколы, которые притупили воспоминания.

– И это все?

– Ну, может быть, этому способствует новый мир. Он, как никто, сдерживает хитросплетения моей новой жизни. Пока не разберусь и не наведу в нем порядок, я смогу более-менее существовать.

– Хм... то есть, отвлекающим фактором для тебя является то, что ты чувствуешь себя потерянной здесь и сейчас?

– Я же сказала: отчасти.

– Да-а, – задумчиво протянул мужчина. – Жаль, что у меня нет отвлекающих факторов, чтобы заглушить свою боль...

– О чем ты? – тут же заинтересовалась я.

– Прости, мысли вслух, – отмахнулся он и направился к небольшому столу, над которым выплыло голографическое табло.

– Что ты делаешь?

– Сейчас все увидишь. – Асмодей ввел код, и часть в столешницы отъехала в сторону, образовав проем.

Я с любопытством приподнялась и увидела то, что пряталось в нише. Огромная книга с затертой до дыр обложкой, украшенная милыми сердечками, нарисованными когда-то детской рукой.

– Здесь вся твоя жизнь. Практически все триста лет запечатлены в этой рукописи.

– Это что, типа мой дневник?

– Он поможет лучше разобраться в том, какой была Мирослава до тебя.

– Обалдеть... Спасибо! – Я слишком резко подбежала к столу и протянула руки к манящим страницам. Но Асмодей отодвинул книгу в сторону, остужая мой пыл.

– Я даю ее тебе не для того, чтобы ты развлеклась, а для того, чтобы ты поняла, какой она была в этой реальности. Чтобы ты примерила ее роль на себя и вела себя соответствующе. Это на первое время спасет твою жизнь.

Он осторожно положил тяжелый том мне в руки. Вес книги впечатлял.

– Могу сказать сразу: многое тебе не понравится. Я буду рядом, чтобы помочь справиться с этим.

– Хорошо. Спасибо тебе.

Асмодей кивнул и на секунду замялся.

– У меня еще один вопрос. Как сильно ты любила планету, на которой родилась и за которую боролась?

– Землю?

– Да.

– Если ты еще не понял, в борьбе за ее благополучие я лишилась всего, что мне дорого! Семьи, любви... будущего!

Печаль или что-то подобное отразилось на лице мужчины:

– Тогда маленький совет: когда дойдешь примерно до середины и увидишь нарисованную от руки картинку, похожую на твою планету, не читай дальше без меня.

– Почему? – тут же насторожилась я.

– Пообещай! – с нажимом произнес Асмодей. – Пока об этом еще рано говорить. Просто пообещай.

– Обещаю, – недовольно произнесла я, отмечая желание прямо сейчас найти нужную страницу.

– Хорошо. Вижу, тебе не терпится приступить к чтению. Не смею больше задерживать вас... моя госпожа. – Мужчина направился выходу и по пути задумчиво обронил: – Ну, надо же... девственница!

– Эй, я этого не говорила! – крикнула я ему вслед. И тут же покраснела как свекла.

– Поверь, я умею делать выводы, – усмехнулся он, не оборачиваясь.

Я осталась одна под гнетом тяжеленного фолианта.

Моя щека затекла, приняв форму книги, на которой я уснула, остановившись на тысяча какой-то странице. Я читала весь прошлый день и половину ночи, практически не прерываясь на физиологические нужды. И сейчас очень скверно себя чувствовала.

Все тело ломило, щека ныла, глаза припухли, в них чувствовалось небольшое жжение. Зов природы упрашивал посетить уборную, а желудок, который, наконец, смог обратить на себя внимание, жалостливо заурчал, видимо, сильно обидевшись за пропуск ужина. Я осторожно положила книгу на тумбу, неловко потянулась и понуро побрела приводить себя в порядок, по пути стряхивая остатки тяжелого сна.

Откровения, которые подарила мне рукопись, были настолько шокирующими и ужасными, что моя психика не могла с этим так быстро справиться. Я бы, конечно, ради праздного любопытства могла продолжать чтение, но как раз остановилась на той странице, где была изображена Земля. Кстати сказать, весьма профессионально. Я думала, сон поможет справиться с негативом, но он только усугубил прочитанное, переработав полученные образы в кошмар.

Если рассказывать вкратце, то Айвена по происшествии всего этого времени стала настоящим извергом. Она преодолела трудный путь, чтобы стать правительницей всей планеты. Если Астар шёл хитрым путем, поначалу задабривая, подкупая, подлизываясь к определенным людям, заводя нужные знакомства, то моя мать просто шла по трупам. Это случилось после того, как ее обвинили в убийстве Астара и вынесли ей смертный приговор. Айве при помощи медальона смогла сбежать, но ровно на столько, чтобы забрать меня, еще новорожденную, и своего мужа Николая на Трезур. Кстати, из того, что Николай, мой биологический отец, никуда не пропал и Айвена смогла найти его на Земле, я сделала вывод, что в его исчезновении был повинен Астар. Наверное, он сделал это из ревности: когда возвращающей сыворотки было вдоволь, он кого-нибудь послал, может быть, того же Икона, чтобы тот убил моего отца. И теперь, когда Астар был мертв, Николаю ничего не угрожало.

Через несколько лет Айве заняла пост главы города, потом возглавила страну, а после стала полноправной повелительницей планеты. Время ее правления отличалось жестокими нравами. Она казнила каждого, кто противился ее слову, кто осмеливался ей перечить. Кстати, из того же дневника я узнала о том, что Айве обожала делать казни достоянием общественности, чтобы вызывать у населения страх и искоренять желание сопротивляться.

Но не это было самым страшным, а те воспоминания, которыми делилась Мира, будучи уверенной, что ее дневник никто не прочтет. Те воспоминания, которые убили в ней и брате все святое, сломали их психику и направили их по пути, устланному прахом.

Айве на глазах своих детей убила Николая. Вы спросите, за что? Я так этого и не поняла. Но мне кажется, что Николай не разделял взгляды жены и пытался ее вразумить. Во время очередного конфликта она его и убила. Конечно, то, что это увидели дети, было случайностью, и для Айве это до сих пор оставалось тайной, но факт оставался фактом. На их глазах произошло чудовищное злодеяние, которое лишило Миру и Славу одного из главных людей в их жизни – их отца.

Отца, в котором дети души не чаяли. Отца, который дарил им любовь за обоих родителей, пока Айве воевала со всем миром. Отца, который был для них почти божеством из-за своего доброго сердца, и, несмотря ни на какие события, оставался для сына и дочери маяком душевности и умиротворения.

Каждого из детей это происшествие сломало по-своему.

Славдий закрылся в себе, отгородившись от всех и вся стеной индифферентности, проще говоря, безразличия. Еда, развлечения, женщины и легкие победы стали определяющими в его жизни. Его перестало заботить все, что до этого вызывало в его сердце восторг. Он выбросил из своей жизни то, что заставляло его трудиться, поставив на первое место праздный образ жизни.

Мира же после глубокой депрессии из жизнерадостной, беззаботной девчушки превратилась в озлобленного, постоянно раздраженного монстра. Не знаю, может, так повлиял на нее страх за собственную жизнь, но она стала копировать поведение матери, стала неотступно за ней следовать, перенимая ее привычки и манеры, надеясь на поощрение и похвалу. В итоге Мира настолько сжилась с новой ролью, что одним своим появлением стала вызывать у людей ужас. Люди робели, страшились, люди в ужасе замирали при виде ее. Пытки, издевательства с сексуальным подтекстом – вот чем развлекала себя Мирослава того мира. Она стала хуже чудовища, кровожадного монстра, переплюнув даже Айве.

Опускаясь в расслабляющее-теплую воду, я устало потерла лицо руками. Самое отвратительное – это то, что Айвена никогда не вмешивалась и принимала своих детей такими, какими они были. Ее любимая фраза, которой она себя оправдывала, красовалась практически на каждой странице Мириного дневника: «Все, что я делаю, это ради моих детей».

Получилось так, что безразличие Славы, подхалимство Миры и жестокость Айве сыграли огромную роль в становлении новой власти. Власти, которая в данное время мало чем отличалась от правления Астара. Ну, за одним исключением: веселая троица не стала кардинально изменять устои мироздания, объединять людей в странные общины со странными правилами, где женщина ценилась не больше, чем надутая кукла.

Но все равно это не умаляло той боли от осознания, что я, наравне с Айвеной, стала господствующим злом, монстром во плоти.

Я прикрыла глаза и полностью погрузилась в целительную воду, надеясь, что она сомкнется надо мной и я больше никогда не выплыву.

Как можно жить в мире, где тебя боятся и ненавидят? Где с адекватными чувствами и поступками ты не нужна ни собственной матери, ни собственному брату?

Из моих легких вышел воздух, мелкими пузырьками устремились к поверхности. Я не смогу влезть в шкуру прошлой Миры, Айвена за пару дней меня раскусит, тем более что первый шаг к своему разоблачению я уже сделала, отменив кровавые бои на арене.

Я почувствовала, что легкие начинают гореть, желая сделать вдох. Я упрямо закрыла глаза, пытаясь погрузиться глубже. Сейчас я чувствовала себя жалким подобием человека, или тенью человека-монстра, которая не может смириться со своей судьбой.

Безжалостная рука потянула меня за волосы. От боли я попыталась крикнуть, и вода тут же устремилась в мои легкие. Предательское тело послушно вынырнуло на поверхность. Когда

мое лицо оказалось над водой, я сильно закашлялась, а потом встретилась с серыми глазами, в которых бушевал шторм. Я даже возмутиться не успела, как Асмодей меня сильно встряхнул.

– За что?! – вскрикнула я, на миг опять уходя под воду.

– Хочешь умереть?

– А что если и так? – оскалилась я. – Ты знал, что написано в этой дрянной книге?

Асмодей молчаливо кивнул.

– И ты терпел... эту суку?!

– У меня не было выбора, – сухо, без эмоций произнес мужчина.

– Конечно, так ведь проще! Нет выбора... Это снимает с тебя всякую ответственность за жизнь тех, кого она замучила просто потому, что ей так захотелось. Да ты ненормальный!

– Я смотрел глубже в ее душу.

– Ха! У монстра не может быть души!

Асмодей зло прищурился. Несколько секунд он молчал, больше не пытаясь оправдаться, а потом медленно произнес:

– Теперь это твоя жизнь. – Он резко развернулся, послав мне в лицо тучу брызг. – Немедленно одевайся. Твой брат хочет с тобой позавтракать.

Глава 6

– Ты все запомнила?

Слова Асмодея всколыхнули в моем мозгу ненужные воспоминания. В прошлой жизни я стояла перед подобными дверями примерно в таком же развратном костюме и ждала первой встречи с Астаром. Если прикрыть глаза, можно было представить, что возле меня стоит не Асмодей, а Велиар. А если уж совсем постараться, то можно было восстановить в памяти его запах, ауру и ощущения, которые он вызывал, находясь со мной рядом.

– Мирослава!

Я вздрогнула и обернулась на голос Асмодея.

– Надеюсь, ты поняла, что от тебя требуется?

– Убить тебя? – не удержавшись, съязвила я.

Асмодей кинул на меня недобрый взгляд и пропустил вперед, прикрыв за мной дверь и оставшись в коридоре.

– Моя милая сестренка, а я уже заждался! Хотел начинать трапезу без тебя. – Ирония в голосе моего брата зашкаливала, и это мгновенно вызывало у меня приступ раздражения. Темная энергия не терялась, она в предвкушении потеряла невидимые ладони.

– Так и начинал бы без меня, невелика честь. – Я с каменным лицом направилась в центр зала, где уже был сервирован длинный стол из темного дерева.

– Ты, как всегда, восхитительна!

«Ага, как проститутка на панели». Я невольно провела рукой по черной юбке, облегающей мои бедра, и уселась за противоположный конец стола.

– Тебя что-то беспокоит? – Слава вальяжно откинулся на спинку высокого стула и начал меня изучать. Сначала визуально, а после уже привычным ощупыванием энергией. Наткнувшись на сгусток темноты внутри меня, он недовольно поморщился.

– Ты доктор? – ехидно поинтересовалась я.

– Прости, что?

– Я говорю, нечего лезть мне в душу с помощью своей силы!

– Это моя обязанность – заботиться о тебе, – невозмутимо ответил мужчина. – Расскажи, что с тобой происходит? – Слава чуть наклонил голову набок, показывая всем своим видом, что он чрезвычайно внимателен и открыт к диалогу.

«Ага, размечтался... бегу и спотыкаюсь!»

– А что не так? Или тебя смущает, что прошли сутки, а я так никого и не убила?

Мой демон начал распылять свою раздражительность и нервозность.

– Ну-у-у, – протянул Слава, – для этого еще будет время. – От его улыбки по моему позвоночнику пробежали мурашки. – Скажи мне, принцесса, почему второй день я тебя не чувствую?

– Что? – Я непонимающе тряхнула головой.

– Я не чувствую в тебе... ммм... тебя.

Я немного напряглась.

– Это каламбур?

– Отнюдь. Вчера я подумал, что мне померещилось, но сегодня я убежден: в тебе течет диаметрально противоположная энергия.

– Эээ... – Я нервно заерзала на стуле. – Бред какой-то! Как человек может так резко измениться?

– Вот я и хочу это выяснить. Кроме твоей ауры, кардинально поменялась картина твоего мироощущения.

Блин, этот допрос с пристрастием начал меня напрягать!

– Не понимаю, о чем ты. – Я безразлично пожала плечами, надеясь незаметно сменить тему. – Может, уже поедим, а то я со вчерашнего дня ничего не ела.

– Развлекалась с Асмодеем?

Произнесенная им фраза заставила меня вспыхнуть.

– Не твое дело!

Слава прищурился, но ничего не ответил. Он расплылся в довольной улыбке, которая обещала продолжить разговор чуть позже, поднял руку и покрутил в воздухе пальцем. Не зная, чего от этого жеста ожидать, я немного напряглась, но ничего страшного не произошло: в комнату впорхнули две прекрасные девушки с тяжелыми подносами в руках и стали быстро расставлять перед нами еду. Когда их работа была выполнена, они так же изящно выпорхнули, оставив нас наедине.

Ошеломительные запахи парализовали мой мозг, вытеснив оттуда все разумные мысли. Наколов на вилку первый кусочек тушеного мяса, я с восторгом положила его в рот и стала быстро пережевывать, не смея взглянуть на Славу и достойно встретить его пронизательный взгляд.

– Я понимаю, что моя красота ослепляет, но ты меня немного смущаешь.

Мягкий смех отскочил от гладких стен, вернувшись эхом.

– Как у тебя это получается, сестренка? Быть такой милой и холодной одновременно...

– А еще кровожадной, – добавила я.

– Да, – задумчиво изрек Славдий, поковыряв вилкой в своей тарелке. – Кровожадности тебе не занимать.

Я осушила почти полный бокал терпко-сладкого напитка и посмотрела на брата:

– Какова истинная причина твоего приглашения?

– А разве ты видишь здесь какой-то скрытый подтекст?

Я прищурилась, закинув в рот очередной кусочек. Может, я себя зря накручиваю и этот завтрак ничего не подразумевает, кроме милой беседы родственных душ? Я встряхнулась и попыталась расслабиться под гнетом все того же пристального взгляда.

– Чем ты вчера занимался после того, как покинул арену? – Вообще-то я хотела сказать «после того, как сожрал того несчастного парня», но здравый смысл меня удержал.

– Как обычно. – Слава не стал себя утруждать более детальными подробностями. Но через секунду резко наклонился вперед и с нескрываемым любопытством поинтересовался: – Почему ты закрыла игры?

– Ммм... – Мое сердце пропустило пару быстрых ударов. – Мне они наскучили, – лениво произнесла я, пряча трясущиеся руки под стол.

Брови Славдия, если бы могли, в эту минуту точно вылетели бы за пределы его лица и приземлились в районе макушки.

– Ты решила избавиться от того небольшого, что доставляло тебе радость?

– Найду себе более интересное занятие, ты же меня знаешь, – хихикнув как дурочка, я нервно передернула плечами.

Слава мило улыбнулся и стал невозмутимо поглощать все, что было в его тарелке. Спрашивать что-либо еще в данный момент он явно не собирался. А я чувствовала себя словно под пытками и сидела вся как на иголках, опасаясь даже вдохнуть громче, чем обычно, и ненароком вновь привлечь к себе внимание.

Но передышка была недолгой. Слава опустошил свои тарелки в мгновение ока и, совсем расслабившись после третьего бокала вина, как бы невзначай, сообщил:

– Завтра возвращается Эвелина.

Я внутренне напряглась, и это не укрылось от моего брата.

– Разве она не поставила тебя в известность?

– Нет, – резче, чем намеревалась, ответила я.

– Хм. Тогда для тебя будет сюрпризом то, что она притащит сюда этого ублюдка Рьяха Ми Дэ Адэнэха.

– Кого??!

– Твоего жениха, дура! Принца с планеты Арниус.

Вот теперь я подавилась не на шутку. Очередной кусок мяса конкретно засел у меня в горле, и я, как ни старалась, не могла от него избавиться, кашляя и задыхаясь.

– Черт!

Слава в мгновение ока оказался возле меня. Грамотно схватив меня со спины, он начал с силой давить в область солнечного сплетения. Пары резких нажатий хватило, чтобы злосчастное мясо оказалось на полу.

– Господи! Мирослава, ты можешь жевать, прежде чем глотать?!

– Не успела... – произнесла я, с усилием хватая ртом воздух и все еще находясь в кольце Славиных рук. Только когда нормализовалось давление и возобновился кровоток в области моего лица, я проговорила: – Спасибо, но теперь все в порядке и ты можешь меня отпустить.

Я обернулась и оказалась прижата макушкой к мужскому подбородку.

Уперев руки в его грудь, я попыталась отстраниться, но лишь почувствовала, как под рубашкой напряглись его мышцы, подняла голову и заглянула в глаза своего брата. И вздрогнула: в них горели неприкрытая похоть и вождление. Я дернулась, не желая это видеть, но стол за спиной и кольцо удерживающих рук мне не позволили.

– Отпусти! – низко и угрожающе зарычала я.

Но мужчина наклонился и уткнулся носом в мои волосы.

– Хочешь, я избавлю тебя от твоего жениха раз и навсегда?

– Вопрос с подвохом?

– Только разреши, и я все для тебя сделаю. Никакой член с другой планеты никогда не оскорбит твое тело.

– И как ты это сделаешь? Убьешь его?

– Однозначно, – со всей решимостью произнес мужчина, еще больше напугав меня. Его руки начали опускаться к моим округлостям, находящимся ниже спины. Это было уже совсем не смешно, и я резко дернулась, ощущая себя гадко и мерзко.

– Хорошо, а как насчет тебя?

Слава на секунду замер, осмысливая мой вопрос.

– Что ты сделаешь с собой? Тоже убьешься?

– Зачем?

– Ну, ты же мне тоже ненавистен, – безжалостно сказала я.

Я увидела, как оттенок зеленого в глазах мужчины превращается в черный. Злой рык опалил мою щеку. Слава резко убрал свои руки, и я чуть не свалилась, лишившись поддержки.

– Кто ты?!

– Что?

Мужчина наклонился к моему лицу:

– Я спрашиваю, куда ты дела мою сестру?

– Я... я...

Он схватил меня за руку и больно дернул на себя.

– Я еще вчера почувствовал, что что-то не так, когда ты повисла на мне со своими сестринскими объятьями, излучая такую любовь и боль за меня, как будто я тебе небезразличен. Как будто я тебе хоть чуточку дорог, как будто я что-то для тебя значу как брат, а не как тот, кто выполняет твои вечные прихоти и исполняет твои грязные приказы! Я спрашиваю в последний раз. – Слава угрожающе понизил голос.

– Хорошо, я все тебе расскажу, но у меня будет встречный вопрос.

Его удивила моя наглость. Но возмутиться он не успел, так как я выпалила:

– Почему Айвена убила нашего отца?

Славдий как будто впал в ступор. Отпустив мое запястье, он сделал шаг назад, а в его взгляде промелькнул испуг.

– Что с тобой? – растерялась я. Но мужчина как будто выпал из реальности. Он часто заморгал, его грудь завибрировала от учащённого и резкого дыхания.

– Слава?

Эта реакция не на шутку меня напугала. Я подошла к нему вплотную, пытаюсь успокоить, но он уже справился с собой и резанул меня резким обвиняющим взглядом, в котором смешались боль, ненависть, страх и что-то еще. Я в ужасе от него отступила.

– Это ты виновата! Если бы ты не закрыла мне рот и не удержала меня, я бы смог помешать ей! Ты во всем виновата... моя дорогая сестричка! Из-за тебя он умер. – В глазах Славдия бушевала холодная ярость. При этом его ноздри яростно трепетали, а губы превратились в сплошную тонкую линию. Аура ненависти была так сильна, что я отшатнулась, не в силах этого вынести. А он дико и как-то зловеще рассмеялся:

– А теперь, моя дорогая, время десерта!

– Что? – Я непонимающе тряхнула головой, но он уже потерял ко мне всякий интерес. Маска холодной циничности вернулась на его лицо. Теперь он напоминал чересчур милого зверя, который готовится сожрать меня с потрохами.

Мужчина выплеснул в себя еще один бокал. Не хмелея, сделал странный жест рукой, не похожий на первый, и тут же в комнату влетела прекрасная фея с огромными карими глазами и обворожительно распущенными черными волосами. Я даже не успела ничего сказать или покинуть трапезную, как девица, явно к такому привыкшая, беспардонно отодвинув тарелки с едой, уселась на стол лицом к Славе. Изящно выгнув стройное тело, она широко раздвинула перед ним ноги.

Какая мерзость! То, что Слава собирался делать с этой шлюхой, было отвратительно. А в том, что он нарочно решил сделать это при мне, у меня не было сомнений.

– Привыкай к своему новому миру... сестренка! – с брезгливой усмешкой бросил мне Славдий, опуская свое лицо туда, куда предлагала блудница...

Обида и злость на брата из этого мира давили на меня грузом непомерной ответственности. «Черт, да что же это такое?! Еще одна расплата за то, что мы с Велиаром изменили ход событий?! Велиар, если бы ты был жив, я бы с повинной кинулась к тебе в ноги, в миллионный раз признавшись, что ты был прав...»

Еле сдерживая слезы, я направилась к выходу, надеясь когда-нибудь забыть тот позор, который мне довелось увидеть и испытать. Но дойти до дверей я не успела, так как путь мне преградили двое мужчин, словно из рекламы трусов Келвина Кляйна.

– Сестренка, о твоём десерте я тоже позаботился. Наслаждайся, завтра вернемся к нашему разговору.

– Иди в пекло!!! Дайте мне пройти! – зло, сквозь зубы выплюнула я мужчинам. Но мой гнев не вызвал даже удивления на смазливых лицах. Они переглянулись, ухмыльнулись и стали давить на меня своей мощью, заставляя отступать. За моей спиной уже начала поскуливать потаскуха, к которой вернулось внимание Славы.

– Я сказала: немедленно от меня отвалили!

– Нет-нет, госпожа, нас предупредили, что сегодня вы захотите поиграть, поэтому на все ваше негодование мы должны отвечать только тем, чему хорошо обучены.

Я отлично понимала непрозрачные намеки, но когда парень для убедительности провел ладонью верх и вниз по своему эрегированному члену, готовому выпрыгнуть из низко сидящих штанов, я захотела провалиться сквозь землю. Ну почему все в этой чертовой реальности сводится к одному? Сумасшедший дом какой-то!

Со стороны стола я услышала звук удара об пол тяжелого ремня, и поняла, что последнее, что я хочу видеть в этом мире, это то, как мой брат кого-то имеет у меня на глазах. Да, этот кошмар будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь...

– Хорошо, парни. – Я с холодной расчетливостью и плохо сыгранной наглостью прошлась кончиками пальцев по рельефным мышцам ближайшего адониса и повелительно произнесла: – Идем развлекаться в мои покои, там у меня много игрушек для наказания плохих девочек и кровать с очень крепкими цепями.

Не давая своим сомнениям и страхам одолеть меня, я схватила парней за руки и потащила их за дверь, не давая опомниться и запротестовать. И постаралась на время оглохнуть, чтобы игнорировать вздохи, стоны и ритмичные шлепки с противоположной стороны зала.

Мужчины снова переглянулись в предвкушении и теперь без разговоров последовали за мной. Когда дверь преисподней за нами захлопнулась, я встретилась с взглядом с Асмодеем, рука которого напряженно сжимала и разжимала рукоять меча, и жестом показала на своих спутников:

– Избавься от них!

Асмодей, явно довольный этой идеей, зловеще оскалился.

– Госпожа, только не наказывайте нас! – понимая, что что-то пошло не так, оба адониса упали на колени.

– Что?!

В отчаянии один из парней начал целовать мне ноги:

– Мы вас ненароком обидели, простите нас!

– Ничего вы меня не обидели... – Я резко отошла в сторону и, подумав, добавила: – Сегодня у меня нет настроения, поэтому просто уходите, я не буду вас наказывать.

Даже после этих слов парни не спешили меня покидать, их сковывали неверие и страх. Но, видно, решив, что я не обманываю, низко кланяясь, быстро исчезли в глубине коридора.

Тогда, отпустив на волю свою темную энергию, я бросилась на Асмодея и со всей силы стукнула его в грудь:

– Это за то, что ты меня не предупредил! – с яростью крикнула я.

И пока мужчина в недоумении подбирал слова для оправданий, я ловко вытащила из его кобуры плазматическое оружие и быстрым шагом направилась к своим покоям.

– Ты знал, что Славдию все известно!

– Я догадывался. Твой брат далеко не глуп.

– Ага, не глуп, точно. Как развлечётся со своей шлюхой, так сразу побежит все рассказать Айве...

– Он этого не сделает.

– Почему ты в нем так уверен? Ты хорошо его знаешь?

– Ну...

– Что, по-твоему, может его остановить? Надеюсь, не то, что он тоже хочет меня поиметь?.. Боже мой, куда я попала?! Это ад на Земле, вернее, на Трезуре... Славдий меня настолько презирает, что я вижу, как сжимаются его кулаки от желания меня задушить. Но, вместе с тем, он жаждет моего тела, тела родной сестры... Это абсурд! Нонсенс! Извращение! Он как ходячая бомба замедленного действия... как будто он держит весь груз этого мира на своих плечах, где сверху восседаю я и его погоняю. Понимаю, звучит не очень, но это так.

Мы свернули за угол, и я продолжила свою гневную тираду:

– Ты хоть знаешь, какие эмоции я вчера испытывала, читая дневник, который ты мне всучил?!

– Догадываюсь, – с неохотой протянул мужчина.

– Да? Очень сомневаюсь. Тот, кто ничего и никого не терял, вряд ли когда-нибудь поймет.

– Не терял?! – Теперь Асмодей не на шутку разозлился. Но увидев в моем взгляде вопрос, тут же взял себя в руки и целых десять секунд молча изучал мое лицо. – Прости, Мира, мне действительно тебя не понять...

В этот момент моя плотина не выдержала. Чуть ли не сорвав двери с петель, я влетела в свою комнату и рухнула на пол, сжавшись в комок.

– Мира, не нужно... – Асмодей поднял мое изнывающее от боли и скорби тело, обнял, но этот жест только усилил мои страдания и потоки слез. Так плохо мне не было никогда в жизни. Меня как будто разрывали на кусочки тысячи безжалостных рук. Боже, я действительно в аду! Если на меня снизойдет еще хоть одна шокирующая новость, я сломаюсь окончательно. И никакой чудо-препарат мне не поможет...

– Мира...

Асмодей, отложив свой меч в сторону, еще крепче прижал меня к своей равномерно вздымающейся груди. – Тише, тише... Ты привыкнешь.

– Не-ет! – чуть ли не рыча, произнесла я. – Я никогда не привыкну! Это не моя семья, это не мое настоящее! Оставь меня!

Но мужчина не сдвинулся с места, вызывая во мне новый приступ болезненной ярости.

– Жалость – последнее, в чем я нуждаюсь! Уйди!

– Нет, – твердо и одновременно мягко произнес мужчина.

Тогда я с усилием вырвалась из его рук и отползла на небольшое расстояние.

– Скажи, что написано в дневнике после изображения планеты Земля? Что-то страшное, да? И ты боишься, что я не смогу этого пережить. Я права?

Мужчина нервно передернул плечами, и по охватившему его напряжению я поняла, что к этому вопросу он не был готов.

– Что... там... написано??!

Асмодей покосился на книгу, которая лежала там же, где я ее оставила.

– Я думаю, сейчас не самое подходящее время для этого разговора.

– А я думаю, наоборот. – Поднявшись на ноги, я направилась за дневником, но была грубо перехвачена сильными руками. Я пыталась брыкаться, кусаться, истерить (что в последнее время у меня получалось лучше всего), но наши силы были неравны, и через пару минут, выдохшись, я притихла.

– Неужели там... все настолько плохо?

Асмодей перенес меня на кровать.

– Я все тебе расскажу, но позже, – чмокнув меня в висок и пригладив мои волосы, он накрыл меня мягким пледом.

Хоть на улице и расцветало полуденное солнце, но нервное истощение взяло свое: под мое судорожное дыхание и всхлипы глаза стали закрываться сами собой.

– Только пообещай... рассказать до появления Айвены.

– Обещаю.

И я сдалась на милость сна в теплых объятиях практически чужого мне человека.

Глава 7

Прекрасный, звучный, наполненный невероятным теплом и трепетом голос, сквозь утреннюю дрему нежно пощекотал мой слух, пробуждая вместе со мной и мою энергию.

Я непроизвольно улыбнулась и медленно приоткрыла один глаз.

Возле меня на краю кровати сидела сияющая серебром, похожая на видение женщина. Я улыбнулась шире и зарылась лицом в подушку, смущаясь своего заспанного лица, наверняка опухшего после вчерашней истерики. Но тут же почувствовала на своем плече мягкую теплую ладонь.

– Мирослава...

Тут в моем мозгу сложился окончательный пазл, и я резко подняла голову, морщась от пронзительной боли в висках.

– Айвена?! – ошарашенно спросила я, глядя во все глаза на свою биологическую мать, вернее, на ту женщину, которой она стала. Одно слово вертелось на языке, чтобы ее описать: царственная!

Но женщина как будто не заметила моего волнения. Она даже не поменялась в лице, и искренне улыбалась мне поразительно открытой и чистой улыбкой.

– Я вернулась еще вчера ночью. Но не решилась тебя потревожить. Я слышала, ты в последнее время плохо себя чувствуешь?

Айве нежно коснулась моего подбородка и провела пальцами по щеке. Не понимаю, почему, но этот жест заставил меня напрячься еще больше. Возможно, потому, что меня угнетало знание того, что моя собственная мать хочет от меня избавиться.

Я не спешила отвечать. Внимательно смотрела в такие же зеленые, как у меня, глаза и пыталась понять, что скрывается за их теплотой. Неужели только холодная расчетливость?

– Есть немного, – сухо ответила я. – Напала небольшая депрессия... – Я нервно улыбнулась и пожала плечами: – Ничего особенного.

Но Айвену мои слова явно не убедили, и она слегка с иронией спросила:

– И поэтому ты отменила Игры справедливости?

– Ммм... – Я оторопела. Но Айве развивать тему в этом направлении не стала.

– Я знаю, что развеет твое плохое настроение. – Она поднялась и подошла к столу, на котором я заметила небольшую украшенную изумрудами шкатулку. При этом пока Айве шла туда и обратно, я ненароком ею залюбовалась. Ее серебристый струящийся наряд и длинные, завитые в крупные локоны волосы, обрамляющие лицо и удерживающие изысканную витиеватую корону из яркого сверкающего серебра, делали ее величественной, невероятной, а также настолько соблазнительной и красивой, что у меня просто перехватило дыхание. Эта женщина сильно контрастировала с той, которую я видела в последний раз: казалось, что запуганность, сломленность и затравленность никогда не были свойственны этой прекрасной и статной особе, что с рождения ее окружали только роскошь, богатство и невероятное счастье. Видеть мать так близко и не иметь возможности показать свою радость было невероятно тяжело.

– Мирослава, открой. – Она протянула мне шкатулку. Мои пальцы ощутили прохладную шероховатую поверхность неограненных камней.

– Что в ней?

– Подарок на твою свадьбу, – улыбнулась Айвена и затаила дыхание вместе со мной. Но если она перестала дышать от предвкушения, то я от ужаса.

– Но...

– Сначала открой. Все протесты потом.

«Прекрасно. Значит, Славдий не врал насчет свадьбы...»

Я протяжно выдохнула и откинула тяжелую крышку.

Мне показалось, что воздуха вокруг стало не хватать, и я тут же захлопнула шкатулку. Айвена озорно мне подмигнула:

– Как я и обещала... очень, очень давно.

Я снова откинула крышку и осторожно взяла медальон, похожий на тот, что когда-то изобрел Астар. За одним небольшим исключением: его форма изменилась, теперь это был не круг, а его половина, но от этого медальон не стал менее мощным. Энергия его ощущалась, практически так же, как и у его собрата, который я заметила на шее матери. И еще одно отличие: медальон не исчерпывал мою силу. Теперь эта вещь несла другой, положительный заряд, что ощущалась на уровне инстинктов. Я даже представить не могла, что медальон можно разделить, не потеряв его силу и изменив его свойства.

От мощи, находящейся в моих руках, я ощутила легкое покалывание и приятную вибрацию, призывающую к немедленным действиям. Но не успела я как следует насладиться до боли желанной вещицей, как медальон, а вместе с ним и шкатулка, исчезли из моих рук.

– Его ты получишь только после свадьбы, когда станешь полностью независимой от меня.

Поборов разочарование и мимолетное раздражение, я закусил губу.

– Знаю, ты не прочь получить свой подарок сейчас, но я не могу нарушить наш уговор, иначе, Мирослава, ты забудешь о своих обязательствах. Как было не единожды.

От прозрачных намеков и новости, что меня собираются выдать замуж без моего согласия, я почувствовала себя паршиво. Неоднозначность ситуации выбивала из колеи. Я даже не знала, что на это ответить. Заявлять о том, что я ни за какие коврижки не собираюсь надевать подвенечное платье, не имело смысла. Брр, меня даже передернуло от омерзения, когда я представила себя в роли покорной жены незнакомого человека. Рассказывать о себе сейчас было бы самоубийством. Поэтому лучшее, что я сейчас могла сделать, это с глуповатым выражением лица смотреть на заветную шкатулку, как на ящик Пандоры.

Наконец, ощутив, что молчание затянулось, я коротко произнесла:

– Да, конечно.

– Хорошо, Мирослава, вижу, твое настроение улучшилось. Надеюсь на твою вежливость и снисходительность в отношении принца Ряха Ми Дэ Адэнэха.

– Не имя, а фарш из звуков...

Айвена укоризненно на меня посмотрела, величественно приподнялась и направилась к выходу.

– Мирослава, только прошу, не опаздывай на ужин.

После ухода Айвены чувство безысходности стало ощущаться острее. Спасибо тебе, Вселенная, за классные подарки судьбы! Только свадьбы мне не хватало... тем более с каким-то там принцем по имени «Ряха-в-Хламиде-из-Меха»!

Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Я стала загибать пальцы. Ну, во-первых, Айвена пока не знает, что я уже не та Мира, и выдает меня замуж за какого-то важного хрена с другой планеты.

Во-вторых, мой брат – повернутый на голову извращенец. Что с этим можно сделать? Только смириться.

В-третьих, я сама не лучше: во мне живет часть темной энергии, которая подпитывает мою злость и делает меня неадекватной. Хотя, если подумать, в моей сестре Лидке, скорее всего, тоже жила подобная тварь, которая делала ее тем, кем она была: неадекватной, параноидальной социопаткой, которой сносило крышу от загробной музыки с дико орущим солистом. Может, такая музыка теперь придется по нраву и мне? Надо попробовать.

Я непроизвольно улыбнулась. Хоть моя сестра и была тем еще чертенком, я ее обожала, глубоко в душе, тихо и неприметно, и, в какой-то степени, даже завидовала ее открытой дерзости, которую она проявляла в обществе, идя против системы. Боже, я только сейчас осознала,

как по ней соскучилась! И по моим родителям, которых даже в сложившихся обстоятельствах я не могла назвать чужими. Они забрали меня, вырастили, выучили, относились порой даже лучше, чем к родной дочери. И не важно, что все изменилось и перевернулось с ног на голову: Миридовых я всегда буду чтить, уважать и считать моей настоящей семьей.

Я резко вскочила с кровати, зная наверняка две вещи: что должна навестить их, прежде чем появиться на ужине и познакомиться с женихом. И знала, кто мне может помочь в этом. Переполненная радостным предвкушением, я наскоро приняла душ, сменила один черный костюм на другой и пошла разыскивать Асмодея.

За дверями моего верного стража не оказалось.

– Эй, ты?

– Что угодно госпоже? – Охранник, подменяющий Асмодея, почтительно поклонился.

– Где Асмодей?

– Его забрала с собой повелительница миров Эвелин, моя госпожа.

Эта информация меня насторожила.

– А зачем, не знаешь?

– Простите, госпожа, но об этом мне ничего не известно.

Вот незадача... Вернувшись в комнату лишь на миг, чтобы взять с собой оружие, которое Асмодей неосмотрительно оставил у меня под подушкой, я отправилась на поиски. Не знаю, зачем мне понадобилась стрелялка, но с ней я чувствовала себя более уверенно, разгуливая по «Цитадели зла». Прицепив плазмотрон к поясу, я стала обходить коридоры.

Через пять минут я поняла, что эта не самая лучшая идея. Во-первых, здание было огромным и напоминало лабиринт. Во-вторых, я поздно сообразила, что Айве может провести с ним беседу в любом из миллиона помещений и ей вовсе не обязательно для этого тащить его к себе. Так что задача побыстрее отыскать Асмодея потерпела крах.

Поблуждав по бесчисленным коридорам и спустившись на пару этажей вниз, я благополучно решила вернуться обратно. Возможно, Асмодей уже освободился и ждет меня. Но, по закону подлости, я всё-таки заблудилась. В очередной раз свернув не туда, я уткнулась в толстенную дверь с надписью «Опасность».

Не давая себе ни секунды сомнения и в тысячный раз игнорируя здравый смысл и голос разума, я поднесла свой именной коммуникатор к считывающему окошку и услышала, как замок тихо щелкнул, приглашая меня войти. Я оказалась в стерильном белом блоке, напоминающем тот, в котором Астар проводил свои опыты надо мной. В этом блоке был коридор, а в нем – множество дверей. Не задумываясь, я открыла первую попавшуюся.

– Что за ...?!

Прижатый ко рту кулак приглушил мой вопль ужаса. В камере за широченным ударопрочным стеклом находилось чудовище.

Я попятилась, порываясь со всех ног дать деру, но ноги отказались повиноваться, заставляя меня смотреть на самого жуткого монстра, которого только можно было себе представить. Монстра, который изначально был человеком.

Спросите меня, откуда я об этом узнала? Все просто: в соседней с ним камере находился мужчина, вернее, наполовину мутировавший мужчина, который метался в агонии и пытался содрать с себя кожу. Он весь был покрыт мерзкой, гноящейся слизью. Кожа его, где еще была не содрана, местами напоминала панцирь, глаза походили на щелки, не имевшие век, и были полностью черные. На щеках бедняги отсутствовала плоть, открывая взору челюсть с растущими острыми резцами, раздражающими десна до крови и дробящими старые зубы. Форма лысеющего черепа этого создания претерпела изменения, став больше и обзаведясь рядом наростов, как у рептилии. Еще немного – и этот человек превратится в неузнаваемую жуткую хреновину...

Меня вывернуло наизнанку. Упав на колени, я тяжело задышала и на четвереньках поползла к выходу, так как сил сделать это в вертикальном положении у меня не было. Что вообще здесь происходит? Выползя в коридор, я оперлась на противоположную стену и наконец-то прочла надпись на двери: «Камера метаморфоз».

Боже, неужели это все дело рук Айве?! Мой мозг отказывался принимать факты, но все тот же здравый смысл подсказывал, что так и есть. И то, о чем я прочла в дневнике прошлой Миры, было правдой: Айве не забросила свои эксперименты с частями метеорита. Если в прошлом она пыталась его уничтожить и не дать людям то, что имеет сама, силу, которая может их уничтожить, то теперь ее цель была противоположной. Айве возомнила себя богом и решила вывести людей на новый этап развития. Проще говоря, эволюционировать их. И все, что я сейчас увидела, было побочным эффектом, которого она пока была не в состоянии избежать.

Дезориентированная новыми фактами, я пошла в противоположную от выхода сторону и уткнулась в табличку с надписью «Операционная».

Было бы правильное развернуться и убежать, но я была настроена более чем решительно и толкнула перед собой дверь.

– Мира! Госпожа! Прикажите освободить меня!

На операционном столе лежал Асмодей, дико извиваясь и яростно пытаюсь освободиться от пут.

Кажется, на искаженном яростью лице мужчины проступило облегчение. Зато на моем отразился хаос из эмоций.

– Но... как? Что... почему? – Не в силах сформулировать мало-мальски понятную мысль, я перевела взгляд на онемевших врачей, которые приветственно склонились при моем появлении.

Быстро взяв себя в руки и для пущей убедительности вытащив оружие, я приказала:

– Чего уставились? Немедленно его развяжите!

Первым пришёл в себя врач, который держал наготове шприц, наполненный черно-лиловой жидкостью.

– Госпожа, мы не можем ослушаться приказа повелительницы миров Эвелин!

– А мне плевать, что вы можете, а что нет! – для пущей убедительности я перезарядила оружие, как когда-то учил меня Славдий. Люди, находящиеся внутри, испуганно отступили назад при виде опасной игрушки в моих руках. А морально крепкий доктор торопливо кивнул:

– Как будет угодно госпоже. – И, отложив ядовитую дрянь, он неохотно начал отвязывать Асмодея. Я подбежала, чтобы помочь ему подняться, и тут в комнате появился очень старый человечек с мудрыми и пронизательными глазами.

– Советник твоей матери, – хрипло шепнул мне на ухо Асмодей и потрянул головой – видимо, ему всё-таки ввели что-то типа снотворного, который влиял на его речь и движения. Асмодей был на грани того, чтобы вырубиться, поэтому мне нужно было торопиться.

– Держись за меня... Эй, ты! – подозвала я одного из охранников. – Помоги его доставить до моей комнаты.

– Слушаюсь, госпожа.

Осторожно ступая, мы направились к выходу. Возле советника я на секунду задержалась:

– Мое почтение, – проговорила я и, больше не оборачиваясь, как можно быстрее покинула эту страшную комнату.

– Асмодей... Асмодей! Что произошло? Как ты там оказался?

– Антидот... – еле выговорил мужчина.

– Что?

– Там. – Его рука указала на шкаф, стоявший за моей спиной.

Не мешкая, я подбежала к нему и начала открывать все ящики подряд. В одном из них я обнаружила небольшой кейс, похожий на мини-холодильник, в котором обычно перевозят медицинские препараты. Еще не понимая, он мне нужен или нет, я открыла кейс и выяснила, что он заполнен ампулами без опознавательных этикеток. Я в панике стала перебирать эти странные колбочки.

– Какая нужна? – Я обернулась к Асмодею и поняла, что он практически без сознания и уже начал заваливаться набок. – Черт! – Я вернулась к нему и попыталась хоть на секунду привести его в чувство, с силой хлопая по щекам, но он уже не реагировал.

– Госпожа... простите мою дерзость... Возможно, я смогу помочь...

Я вздрогнула, обернулась и увидела за своей спиной невысокую, дрожащую от страха молодую девушку. Не знаю, откуда она взялась, но угрозы она не представляла. По крайней мере, на первый взгляд.

– Да, пожалуйста!

Девушка молча кивнула, подбежала к раскрытому кейсу и выбрала одну из ампул. Твердой рукой вкрутила наконечник с иглой и присела возле Асмодея.

– Простите, госпожа, мне нужно немного пространства.

– А? Да... – Я быстро отошла в сторону. Девушка благодарно кивнула и со всей силы воткнула иглу прямо в сердце мужчины.

От увиденного я вздрогнула, но подавила рвавшийся наружу вскрик.

– Мира... – Асмодей тут же открыл глаза и прямо с воткнутой иглой подскочил как ужаленный. – Нам нужно немедленно покинуть дворец... они все о тебе знают. – Он, даже не поморщившись, вытащил из своей груди длинную иглу и отбросил ее в сторону.

– Но откуда?!

– Сейчас это не важно. Марук, – обратился он к девушке, – тебе бы я тоже советовал бежать. Они придут и за тобой.

Девушка, сидевшая возле меня, побледнела и твердо кивнула. Я не знала, кем она была и почему здесь оказалась, но, увидев мое замешательство, Асмодей торопливо пояснил:

– Марук – твоя служанка. Порядок в твоих покоях и все остальное – это ее забота.

Больше не утруждая себя разговорами, мужчина схватил меня за предплечье и подвел к одной из стен, которая, после небольших манипуляций, бесшумно отъехала в сторону.

– Что это?

– Твоя предусмотрительность... и жуткая ненависть к людям.

– Как это?

Асмодей что-то нервно пробурчал, скорее всего, нелицеприятное, но потом, ведя меня и Марук по длинному узкому коридору, пояснил: – Так служанки делают свою работу, незаметно для тебя переходя из комнаты в комнату.

– Ах, вот почему я получала одежду и еду, но никогда не видела того, кто их приносит!

– Простите меня, госпожа, – отчего-то смутившись, промямлила девушка.

– Сейчас не время, Марук! – резко одернул ее Асмодей. И практически побежал, уводя нас за собой в подземелье...

– Переоденься, ты слишком приметна. И сделай что-нибудь со своими волосами.

– Например? – недовольно поинтересовалась я у Асмодея, который кинул мне в руки серый балахон.

– Не знаю, – пожал он плечами, – например, отрежь их. – И вышел из небольшой комнаты, которая находилась на окраине города в неприметном высотном здании.

– Я это уже проходила. Второй раз прощаться со своей косой я не намерена... Марук, может, ты, наконец, присядешь? – Я устало провела ладонью по своим растрепанным волосам. Девушка испуганно глянула на меня, не решаясь покинуть угол, в который забилась сразу же,

как только мы обосновались в этой комнате. Она стояла там, нервно перебирая пальцами ткань своего синего платья, с видом полной отрешенности.

– Приказываю тебе прилечь и отдохнуть. – Я указала на одну из двух узких кроватей, находившихся в помещении.

От моего тона девушка вздрогнула, поклонилась и забралась на кровать с ногами. Видно, усталость от погони дали о себе знать.

– Госпожа, простите...

– Марук, я, кажется, уже говорила: не нужно меня так называть. Я не та Мирослава, которую ты знаешь, я самозванка из другой ветки реальности.

Девушка охотно кивнула, соглашаясь, но по ее лицу я поняла, что она ни капельки мне не поверила. Ладно, ни спорить, ни переубеждать ее сил и желания у меня не было. Переодевшись в балахон, я сама улеглась, пытаюсь внять совету Асмодея и немного отдохнуть. После того, что мы пережили, добираясь до более-менее безопасного места, я была полностью разбита.

Я прикрыла глаза, но тут же открыла их. Воспоминания о бешеной погоне не давали мне покоя...

После того как преодолели туннель, мы сумели выкрасть какую-то жуткого вида машину и на ней добраться до центра города. Мы думали, что смогли оторваться, но патруль, на который мы наткнулись, был осведомлен о нашем побеге и едва нас не схватил. Если бы не Асмодей, мы бы уже были пойманы, и тогда я боюсь представить, что случилось бы, окажись я в руках Айве, которая перестала мне благоволить.

Еще пару дней назад я думала, что все мои беды и проблемы решены, что я, наконец, обрела покой, если так можно выразиться. Но я опять ошиблась, и опять должна от этого страдать.

– Марук...

– Да, госпожа?

– Расскажи, давно ты у меня работаешь?

– Достаточно, госпожа.

– А мою семью ты хорошо знаешь?

– Как и любой другой...

– Хорошо. Тогда расскажи, пожалуйста, какие отношения были между мной и моей матерью.

– Вы про повелительницу миров Эвелин?

– Ну, конечно! Неужели у меня есть другая мать?

– Простите, госпожа, я не хотела вас обидеть... просто... я никогда не слышала, чтобы вы называли повелительницу мира Эвелин матерью.

– Неужели? – Я даже не сумела удивиться.

– Простите, если огорчила вас, госпожа.

– Марук, хватить беспричинно просить прощения, это немного напрягает.

– Простите, госпожа...

– Ммм... – Я застонала и закатила глаза, а девушка робко и виновато улыбнулась:

– Я постараюсь, госпожа.

– Так какие между нами были отношения?

Если Марук и удивил мой вопрос, то виду она не подала.

– Я бы сказала, сложные. Вы часто спорили или ругались практически по любому вопросу, а на людях держались холодно и отстраненно.

– Ясно. Что-нибудь еще?

– Можно я выскажу свое мнение?

– Да, валяй... то есть, можно, конечно.

– Мне кажется, повелительница миров Эвелин вас боится.

«И это даже не секрет»

– Она... как бы это сказать?.. при вашем появлении всегда становилась настороженной и напряженной, как будто ждала, что вы ей навредите.

– А что со Славдием? Марук? – Я повернулась к девушке и поняла, что упоминание о моем брате смутило ее.

– Он тебе небезразличен? – догадалась я. И почему-то эта новость заставила меня пожалеть девушку.

– Нет-нет, госпожа! – поспешно ответила Марук, почему-то испугавшись. – Я просто...

– Да ладно! – Я махнула рукой, улыбаясь. – Знаю, что означает этот томный взгляд, когда по кому-то очень сильно сохнешь.

– Простите, я вас не совсем поняла, госпожа...

– Я говорю, и давно ты его любишь?

Девушка совсем сконфузилась:

– Сколько себя помню.

– Сочувствую, – честно ответила я, понимая, что этот Славдий никогда не заметит серую мышку в толпе хищниц.

– Не стоит, госпожа. Мои чувства – единственное, что греет мне душу... Ой, простите, госпожа! – Марук упала на колени. – Я не хотела вас обидеть! Быть вашей служанкой – это лучшее из того, что могло со мной случиться!

– Марук, хватит. – Я подняла девушку и посадила обратно на кровать, только сейчас заметив, что ее руки покрывают мелкие шрамы от ожогов. Я легонько провела пальцем по одному из них, и Марук вздрогнула, но рук не убрала.

– Это... сделала я?

Девушка опустила голову.

– Ох, Марук, прости меня! – Я обняла ее и держала до тех пор, пока она не расслабилась.

– Я, кажется, велел тебе отдохнуть! – послышался недовольный голос Асмодея.

Глава 8

– Чтобы продолжить путь, нам нужно дождаться темноты, но... – Асмодей бросил сочувственный взгляд на девушку, замершую в моих объятьях. – Марук...

– Я понимаю и не собираюсь быть для вас обузой. Если позволите, я уйду прямо сейчас. – Она попыталась высвободиться.

– Даже не думай! – Я легонько ее тряхнула. – Ты идешь с нами, и это, – я многозначительно посмотрела на Асмодея, – не обсуждается!

– Это неразумно. Она будет задерживать нас. Да и двоим легче скрыться, чем троим.

– Меня это мало волнует. – Я поднялась на ноги и для пущего эффекта уперла руки в бока. – Мы ее не бросим!

Раздраженный мужчина нечленораздельно выругался.

– И как в таком маленьком теле умещается столько упрямства?!

Я пожалала плечами, радуясь небольшой победе, и вернулась на свою кровать. Нужно было в самом деле набраться сил.

– Ну, хоть в чем-то мы с тобой солидарны! – ухмыльнулся Асмодей. Он придвинул к себе небольшой вещмешок, как я поняла, набитый самым необходимым, и, достав из него пару яблок, одно кинул мне, а другое Марук.

Откусив большой кусок, я, не заботясь о том, что меня, возможно, будет трудно понять, поинтересовалась:

– Куда мы отправляемся?

– В Пустынные земли, которые расположены за Пепельным морем.

– Пепельное море? – «Где-то я это название уже слышала». – И почему именно туда?

Асмодей удобно устроился на коврик, подложив вещмешок под голову.

– Потому что это нейтральная территория, где твоя мать не имеет власти.

– Разве такое может быть внутри ее владений?

– А почему нет?

– Ну, не знаю, – задумчиво протянула я, с новой силой вгрызаясь в сочное яблоко.

– Твоя мать порой принимала очень странные решения, непонятно с чем связанные. То ли благоразумие на них повлияло, то ли его полное отсутствие.

– Можно поконкретнее?

– Я сам никогда не был там. Все, что мне известно об этом месте, это то, что несколько столетий назад существовала каста отверженных, которым была уготована не лучшая участь...

– Да, я слышана об этом. Напыщенные, богатенькие снобы отдавали своих детей в приюты, если не видели в них потенциала, навсегда лишая их возможности иметь семью.

– Еще тогда один из правителей позаботился об отверженных и отдал им небольшую территорию за морем. На ней они становились неприкосновенными. Позже, конечно, выяснилось, что правитель был не так щедр, как многим казалось: он затеял все это для того, чтобы использовать бедолаг в корыстных целях. Вроде бы он ставил на них какие-то эксперименты.

Я удивленно взглянула на Асмодея.

– Ты сейчас говоришь об Астаре?

– Я помню, Мира, твои слова об Астаре и о том, что он сделал. Возможно, это был он. История об этом умалчивает.

– Это точно был он! Я как сейчас помню живых мумий в синем желе и их татуировки на шее со словом «отверженный»! А что сейчас с этими землями? Теперь Айвена там управляет?

– Нет. Эвелин, даже не знаю, из каких побуждений, расширила территорию и отдала ее в полное владение людям, которые далеки от политической жизни и хотят лишь мирно и спокойно жить, возделывать землю и растить детей.

- То есть, государство в государстве?
- Что-то типа того.
- И все, кто там находится, неприкосновенны даже для моей матери?
- Да.
- Но что она с этого имеет?
- Во-первых, таким образом она в зачатке убивает любые мысли о революции. Если ты чем-то недоволен – уезжай и живи по своим законам. Во-вторых, та земля – одна из самых плодородных, а люди, живущие на ней, ее возделывают и, помимо себя, кормят еще и остальных жителей Трезура. Поставляют свежие овощи и фрукты. При этом из казны не идёт ничего, чтобы оплатить полученное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.